

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ВСТРЕЧА ПО-АНГЛИЙСКИ

Поверь в то,
что ты достойна
большого!

Желание женщины

Людмила Мартова

Встреча по-английски

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Встреча по-английски / Л. Мартова — «Эксмо»,
2018 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-095314-1

Перемены в жизни Марии Листопад начались, когда она без памяти влюбилась в актера Джуда Лоу. Чувство было настолько сильным, что Маша взяла отпуск и засела за изучение английского. Ее усилия не пропали даром – вскоре она познакомилась с двумя симпатичными британцами, приехавшими в командировку. Тут-то и пригодилось знание языка, ведь оба джентльмена принялись ухаживать за одинокой девушкой. По странному стечению обстоятельств они проявляли недюжинный интерес к ее квартире, и вскоре там был убит любимый отчим Маши, невовремя заглянувший навестить ее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095314-1

© Мартова Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Людмила Мартова

Встреча по-английски

© Мартова Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Замечательным
Светлане Зишиной и Кристине Беленко,
моим внезапно обретенным сестрам по духу.*

«Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все сыновья одной матери – старой оловянной ложки – и, значит, приходились они друг другу родными братьями.

Это были славные, brave ребята: ружье на плече, грудь колесом, мундир красный, отвороты синие, пуговицы блестят... Ну, словом, чудо что за солдатiki! Двадцать четыре были совершенно одинаковые – одного от другого не отличить, а двадцать пятый солдатик был не такой, как все».

Г. Х. Андерсен

Глава 1

Позже, оглядываясь назад и пытаясь вспомнить, что послужило отправной точкой в этой долгой и невероятной истории, Маша отчетливо понимала – все началось с того, что она влюбилась в Джуда Лоу.

Ну, то есть тогда, открыв для себя сериал «Молодой папа», а вместе с ним этого, доселе неизвестного ей британского актера, она решила, что влюбилась. Все симптомы были налицо – лихорадочный блеск в глазах, потеря аппетита, полное отвращение при виде любой встреченной на улице человеческой особи в штанах, апатия к работе и вместо этого судорожный поиск в Интернете любой информации, имеющей отношение к объекту ее внезапно вспыхнувшей страсти. Видеть не хотелось никого, даже горячо любимую подругу Лилию и не менее горячо любимую начальницу Лавру.

Точнее, их не хотелось видеть особенно сильно. При взгляде на Лилию, недавно вышедшую замуж, причем во второй раз, Маша особенно остро ощущала свое несовершенство, поскольку к своим тридцати шести годам в ЗАГСе не была ни разу и шансы свои в этом плане оценивала как нулевые. Лавра же и вовсе была совершенством во всем. Трогательно хрупкая в свои шестьдесят шесть с копейками, она выглядела на двадцать лет моложе, сохранив не только девичью фигуру и буйство непокорных кудряшек на голове, но и ясность мысли, стойкость характера и умение во всем находить позитив.

Кроме того, обе знали Машу Листопад как облупленную, поэтому раскусили бы с первого взгляда на ее одухотворенное любовью лицо. Лилия, которая, хоть и сидела сейчас в декрете, хватки, присущей помощнику начальника следственного управления, не потеряла. А Лавра, по стечению обстоятельств на данный момент приехавшая к Лиле свекровью, и вовсе имела глаз-алмаз.

Признаваться про Джуда Лоу не хотелось. И подругу, и начальницу Маша нежно любила, а потому выглядеть в их глазах непроходимой дурой было как-то стыдно. В том, что она – непроходимая дура, сомнений как раз не было. Да даже если бы и были, то мама справилась бы с ними в два счета. Мамин язвительный голос, пытающийся вразумить дочь, причем отнюдь не по доброте душевной, звенел у Маши в ушах.

«Все люди как люди. Заводят романы с инженерами, врачами, учителями или, на худой конец, сантехниками. Замуж выходят и детей рожают. А ты все мечтаешь, Мария. Мечты – это, конечно, прекрасно. Но реальная жизнь к ним никакого отношения не имеет», – обычно мама бурчала примерно так. Была права, конечно, но слышать это еще и от Лили с Лаврой было бы выше Машиных сил.

Не то чтобы хорошо подумав, а скорее от навалившейся на нее безысходности, Маша отпросилась у Лавры в отпуск, в котором не была два года, наврала и начальнице, и подруге, что стала обладательницей горящей, а потому очень дешевой путевки на Кипр, заперлась дома наедине с Интернетом и телевизором и, как говорят англичане, «упала в любовь».

Человеком она была деятельным, а потому записалась на онлайн-курсы по изучению английского языка, которым можно было заниматься, не выходя из дома. Учила она его давно, плохо и недолго, а изъясняться на великом языке Шекспира, Байрона и Джуда Лоу стало для нее на данном этапе жизненной необходимостью. В ночных грезах Маша представляла, как освоит язык, найдет в Интернете какую-нибудь лондонскую фирму по организации праздников, докажет свой профессионализм и наймется на работу.

Как и что она собиралась доказывать, она не знала, но в мечтах это было, в принципе, и не важно. В глубине души Маша прекрасно понимала, что берега Альбиона так и останутся для нее туманными, а возможная случайная (или тщательно подготовленная) встреча на лон-

донской улице с красавцем Джудом состоится лишь в ее воспаленном воображении, но мечтала горячо и истово.

«Признайся, тебе просто скучно жить, – как-то сказала она своему отражению в зеркале. – Ты умеешь устраивать праздники другим людям, за что тебя и ценит Лавра, но ты совершенно неспособна на организацию праздника самой себе. У тебя профессиональная деформация, Листопад. Плюс неустроенная личная жизнь. Твое унылое существование не имеет ни малейшего смысла, это тебя и изводит. Ты боишься, что твое будущее так же уныло, как и настоящее. Боишься, но не предпринимаешь ничего, чтобы это изменить. Тебе проще мечтать о несбыточном, чем менять реальность. Как там в сериале говорит папа Пий Тринадцатый? «Я – не мужчина, я – трус». Так вот и ты, Листопад, – не женщина. Ты – трусиха». И сказав это, она расплакалась, с отвращением глядя на отражавшееся в зеркале лицо.

Изучением английского она занималась с судорожным отчаянием, как будто от этого зависела жизнь, тратя на это по три-четыре часа в день, до рези в глазах и до звона в ушах всматриваясь в строчки и вслушиваясь в незнакомую речь. В остальное время Маша пялилась в экран телевизора, просматривая один за другим фильмы с участием ее божества, прокручивая обратно самые захватывающие моменты и иногда нажимая на кнопку «Стоп», чтобы посмотреть на застывшее на экране лицо, красивое и притягательное до стоны в горле. Маша Листопад умела любить. Жаль только, что никто так и не смог по достоинству оценить этот ее несомненный талант.

В принципе, у нее, конечно, были и другие таланты. В принадлежащей Лавре ивент-фирме, самой крупной в их городе организации, проводящей праздники «под ключ», Маша была главным человеком. После Лавры, разумеется. Она придумывала сценарии, вписывала в них элегантные «фишечки», которые потом надолго запоминались всем гостям, точно и четко составляла сметы, вписывалась в них тютельница в тютельница, продумывала и учитывала каждую мелочь, умела договариваться с любым, самым капризным заказчиком и с любым, самым неисполнительным поставщиком.

Лавра не раз и не два говорила о том, что считает Машу своей преемницей, но то ли от того, что начальница вовсе не собиралась на покой, то ли от выпестованной мамочкой неуверенности в себе, поверить в то, что она действительно чего-то стоит, Маша не могла. Работу свою она любила и до сих пор удивлялась, что за такое приятное времяпровождение ей еще и платят, уставала от проводимых мероприятий безмерно, но в целом была уверена, что жизнь ее не удалась, хотя и устоялась. Перемен Мария Листопад не ждала, в их возможность не верила и, как правило, находилась в состоянии уравновешенного спокойствия и фатализма. Эх, если бы еще не Джуд Лоу!

Двухнедельное затворничество подходило к концу, впрочем, так же, как и запасенная на него провизия. Выходить в магазин Маша не рисковала, чтобы не быть пойманной на своем вранье. Уехала, значит, уехала. На фоне любовных переживаний и стремительного овладения английским есть она практически не могла, так что купленных фруктовых компотов, банок с тушенкой и запасов картошки с морковкой ей хватило с лихвой. Сожалела она только об одном – рано или поздно нужно было возвращаться в реальную жизнь.

«А может, уволиться с работы, – размышляла Маша. – Буду сидеть дома и писать сценарии для Лавры. На еду и коммуналку хватит. А больше мне все равно по большому счету ничего не нужно».

«Не лги самой себе, – вступал в диалог внутренний голос. – Тебе-то, может быть, действительно нужно совсем немного. Но у тебя есть мама, и она вряд ли согласится с тем, что ты решила больше не работать».

Аргумент был весомым. Последние лет десять мама существовала исключительно на Машины доходы, и ее запросы были гораздо масштабнее, чем у самой Маши. Парикмахер, косметолог, маникюрша и педикюрша приходили к маме на дом раз в неделю. Продукты она

покупала исключительно в дорогих супермаркетах, коньяк пила только французский, а одежду приобретала в бутике «Гардероб», в который Маша не могла заходить без внутреннего содрогания. Сама она носила только джинсы, стараясь приобретать их в секонд-хендах, но маме отказать не могла. Да, пожалуй, идея уволиться с работы не прокатит.

Маша собралась в очередной раз вздохнуть из-за собственного несовершенства, но не успела. Зазвонил телефон. «Лиля», – было написано на экране, и Маша все-таки вздохнула.

– Привет, пропажа, ты уже вернулась? – приветствовал ее звонкий голосок подруги, и Маша вдруг почувствовала себя неловко. В конце концов, Лиле было вот-вот рожать, а Маша даже ни разу не удосужилась хотя бы в сообщении узнать, как у нее дела. Впрочем, за Лилю можно было не переживать. С такой семьей, как у нее, пропасть было невозможно.

– Вернулась, – покорно сказала Маша. – Ты там как?

– Да я-то нормально, – подруга, как всегда, внутренним камертоном чутко настроилась на ноты Машиного настроения, – а ты какая-то не такая, Листопад. Для человека, только что прилетевшего с Кипра, у тебя слишком унылый голос. Поездка не удалась, после самолета устала или влюбилась?

Нет, Лилия Ветлицкая умела смотреть в корень. Маша снова вздохнула.

– Лилька, не приставай ко мне, а, – жалобно попросила она. – Я потом тебе все расскажу. Честное слово.

– Рассчитываешь, что я рожу, погружусь в круговерть пеленок и сосок и про тебя забуду? – проницательно спросила Лиля. – Даже и не надейся, Листопад. Ничего у тебя не выйдет. Что? – теперь она говорила куда-то в сторону. – Да, хорошо. Валерия Сергеевна тебе привет передает, – ее голос снова послышался у Маши прямо в ухе. – Спрашивает, нормально ли ты отдохнула и когда выйдешь на работу? Вы какой-то новый заказ взяли, так что она без тебя как без рук.

– Скоро, – сказала Маша чужим, набухшим вдруг голосом. Слезы встали в горле, мешая словам. – Скажи, что я скоро выйду, Лиль. В следующий понедельник. Еще немного дома посижу и выйду. Куда я денусь.

– Ты там что, плачешь, что ли? – с подозрением спросила Лиля. – Слушай, Машка, хочешь, я к тебе сейчас приеду? Я же слышу, у тебя там что-то серьезное.

– Нет, не надо ко мне приезжать. – Маша так всполошилась, что даже плакать перестала. – Лиль, ну что ты придумала, право слово. Тебе рожать через две недели, а ты все скачешь, как Гаечка в мультике «Чип и Дейл спешат на помощь». Все у меня нормально, а что ненормально, то уже не исправишь. Не о чем и говорить. Все, давай, целую. Привет Лавре.

Она нажала на отбой раньше, чем Лиля успела что-то возразить, упала лицом в подушку и отчаянно зарыдала.

* * *

То, что он ищет уже несколько лет, теперь находилось совсем рядом. Осталось только руку протянуть и взять принадлежащее ему по праву. Боже мой, сколько же усилий для этого понадобилось. Оглядываясь назад, он понимал, что ни за что бы не прошел весь этот путь заново. А может быть, и прошел бы... Сумма, стоящая на кону, по крайней мере, точно стоила любых затраченных на нее усилий.

Он с отвращением оглядел комнату, в которой находился, и даже передернулся от охватившего его омерзения. Он мог остановиться в гостинице, принимающая сторона была вполне способна выдержать такие расходы, но в деле, которое он затеял, ему нужна была свобода передвижений и способность оставаться незаметным. В гостинице это было вряд ли бы возможно, и он выбрал съемную квартиру, старую и убитую, но в таком месте, где до него точно не было никакого дела соседям.

Боже мой, как же он это все ненавидит! Стены, оклеенные дешевыми обоями, вечно подтекающий унитаз в туалете, журчание воды в котором не дает ему спокойно спать по ночам. Или это не вода прогоняет сон, а нечистая совесть? Нет, ему нечего стыдиться, поскольку он пришел не за чужим, а за своим. Он просто восстанавливает историческую справедливость, не более того... Вернуть свое – не значит украсть. Нет, он не вор и ни на минуту не позволит самому себе усомниться в этом.

Старое зеркало, в дверце такого же старого шкафа, стоящего в углу комнаты, которую он снимал, безучастно отражало крепкую, чуть коренастую мужскую фигуру и насупленное лицо со сверкающими глазами цвета стали. Мужчина в зеркале знал, что нравится женщинам. Всем женщинам, без исключения. Его план отчасти был построен именно на этом: понравиться женщине, которая стоит между ним и принадлежащей ему вещью, втереться в доверие, попасть в дом, понять, где именно она ЭТО хранит, и, оставшись одному в квартире, забрать. Главное – не привлечь внимание к этой вещи. Ведь девица понятия не имеет, что именно попало ей в руки. И узнать не должна. Если она не поймет, чего именно лишилась, это будет хорошо. Правильно.

Он посмотрел на висящий на стене календарь и тихо выругался себе под нос. На все про все у него осталось не так уж и много времени. Скоро уезжать, а он еще с ней даже не познакомился. Слишком долго он собирал нужную информацию. В чужом городе трудно сделать это, не выказывая своего особого интереса.

Ему казалось, что все вокруг следят за ним с преувеличенным вниманием. Отчасти так оно, наверное, и было. Для этого старинного, чуть сонного провинциального города он был диковинной птицей, невесть как занесенной сюда попутным ветром. Поймать, окольцевать, приручить, под крылом этой птицы унести в другую жизнь – это стремление, не прикрытое хотя бы тончайшей кисеей скромности, он читал в глазах всех встреченных тут женщин.

Жадность, нетерпение, расчет, цинизм и похоть видел он в этих глазах. Не любовь, не интерес, нет. Что ж, это только облегчало его задачу. Та, единственная, ради которой он приехал в эту тьмутаракань, по всем законам жанра, должна была оказаться точно такой же – расчетливой и циничной. Именно поэтому он заранее не испытывал ни стыда, из-за того что собирался сделать, ни жалости к ней, неизбежно обманутой. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

Об этой женщине, которую он выпасал уже больше месяца, он знал все – от маршрута, которым она добиралась от дома до работы и обратно, до потенциальных деловых партнеров и привычки закупать продукты один раз в неделю, чтобы потом сгибаться под тяжестью огромных пакетов с провизией. Кстати, именно на этом и строился его план – помочь ей поднести пакеты от машины до дома и тем самым завязать знакомство. Вот только сделать этот последний шаг, отделявший его от цели, он никак не мог, потому что женщина внезапно пропала.

Он бы голову дал на отсечение, что она не могла никуда уехать, потому что в ее квартире каждый вечер исправно зажигался свет. То в кухне, то в маленькой комнате, служившей спальней. В гостиной свет не горел никогда, но там по вечерам давал синеватый отсвет экран работающего телевизора, так что он был уверен – хозяйка дома. Вот только на работу она отчего-то не ходила и даже за продуктами не вышла ни разу. Болеет, что ли?

Странно было и то, что к ней тоже никто не приходил, хотя до этого он не замечал, чтобы она была особенной затворницей. К ней периодически заходили то подруги, то какие-то коллеги. Только женщины, правда. Мужчин не было ни одного, но это ему было только на руку.

Он снова мельком посмотрел в зеркало и, подойдя к окну, выглянул за занавеску. Ужасный стылый январь, такой холодный, что он был уверен, что отдаст здесь богу душу, замерзнет навсегда в этом диком медвежьем углу, сменился унылым, бесконечным, но все-таки дающим надежду выжить февралем. Если бы такая погода была дома, то спать приходилось бы в пальто, а здесь, ничего, в квартирах хорошо топили, поэтому было тепло.

Местные коллеги на работе обсуждали огромные счета за отопление, которые они были вынуждены оплачивать, но он только посмеивался про себя. Знали бы они, что такое счета за отопление...

Он еще раз оглядел белеющий внизу прямоугольник двора, покрытый черными отпечатками протекторов машин, тщетно ищущих свободное местечко для парковки, и, нехотя, начал одеваться, собираясь на свою ежевечернюю вахту. Конечно, шансов, что она сегодня выйдет, никаких, но любое дело нужно делать хорошо и ответственно, не полагаясь на случай и не давая себе поблажек. Только так можно достичь цели. Он тщательно застегнулся, чтобы победа мороза не была совсем уж легкой, щелкнул выключателем и шагнул за порог.

* * *

После бурных рыданий пришлось идти умываться. Маша с отвращением рассматривала в зеркале свою опухшую физиономию, растравляя и без того кровоточащие душевные раны.

«Твое проклятие кроется в фамилии, – мрачно думала она. – Ты – Листопад. По-английски это звучит «fall of the leaf», и второе значение этой фразы переводится как закат жизни, осень... Вот у тебя и наступил закат жизни, причем такое чувство, что чуть ли не с рождения и наступил...»

Впрочем, Маша прекрасно знала, что слегка кривит душой. Детство ее было вполне счастливым и юность тоже, по крайней мере, до тех пор, пока была жива бабушка. Бабушка Машу обожала. Она даже старалась особо не расстраиваться из-за того, что ее ветреная дочь, Машина мама, порхает по жизни, меняя мужей и любовников, поскольку это позволяло ей самой отвечать за Машу – заплетать ей косички, варить сладкую-сладкую манную кашу, обязательно с крыжовенным вареньем, покупать новые куклы, шить красивые платица, объяснять содержание сложных книг и приучать любить классику, русскую и английскую.

Маша была бабушкиным солнышком, а бабушка – Машиной вселенной. И им всегда было очень хорошо вдвоем. В их тесном мирке не оставалось места для каких-то там мальчиков. Туда допускалась только верная Лиля, с которой Маша познакомилась и подружилась, гуляя в общем дворе. Лилю они с бабушкой считали за свою, а больше им был никто не нужен.

Потом, когда Маша уже выросла, закончила школу, поступила на филфак педагогического университета и, по логике, должна была бы все-таки начать интересоваться молодыми людьми, бабушка уже сильно болела, и ее нельзя было оставлять одну вечерами. С возрастом бабушка стала маленькой и хрупкой, растеряв свою былую статью и дородность, словно усохла, и Маша с болью смотрела на нее, понимая, что это «уходящая натура», которой совсем скоро не станет.

Она ни за что не променяла бы минуты общения с бабушкой на каких-то там ненужных, заранее скучных и слегка потертых молодых людей, так разительно непохожих на книжного князя Андрея, их любимого с бабушкой персонажа. Других на филфаке не предлагали, а больше Маша никуда не ходила.

Институт был позади, Маша устроилась на работу сначала в школу, которая занимала все ее время и мысли без остатка, а потом в открытую Валерией Сергеевной Лавровой фирму по организации праздников. Себя Маша веселым человеком не считала, но сценарии этих самых праздников у нее отчего-то получались легкими, искристыми, как шампанское, радостными и красочными, как радуга на голубом небе.

Бабушка умерла, мама в очередной раз развелась и, не найдя нового мужа, готового обеспечивать ее жизненные потребности, взвалила это бремя на Машу, а та и не думала сопротивляться. После смерти бабушки ей отчаянно нужно было о ком-то заботиться, чем мама и пользовалась. Так и жили, пока Маша не посмотрела сериал «Молодой папа» и не поняла, что у нее случился закат жизни.

Точную формулировку того, что ее мучает, она услышала в другом знаменитом фильме все того же удивительного итальянского режиссера Паоло Соррентино. Фильм назывался «Великая красота» и принес Соррентино «Оскара», а фраза звучала так: «Август уже закончился, сентябрь еще не наступил, а я такой заурядный». Вот именно так Маша себя и ощущала – заурядностью, оказавшейся в безвременье между летом и осенью – то есть в ту самую пору листопада.

Умывшись, она снова понуро улеглась на кровать, пытаясь заставить себя сделать хоть что-то осмысленное. Повертела в руках телефон, залезла в социальную сеть, без малейшего интереса пробежалась по новостной ленте, в которой дурачились, пили вино, хвастались детьми, делали селфи и обсуждали политику ее «френды». Именно френды, потому что друзей у Маши не было, кроме Лили и Лавры, конечно.

Следить за всей этой суетой Маше было скучно, как будто за две недели она разом состарилась лет на двадцать и теперь наблюдала за френдами, как за неразумными детьми. «В какой стране мира вам суждено жить», – спросил у нее попавшийся на глаза дурацкий тест, один из множества дурацких тестов, которые она никогда не открывала, потому что девушкой была разумной, но сейчас, не думая, открыла.

«Результат подсчитывается», – сообщило ей появившееся окошко, и Маша некоторое время бездумно смотрела на вертящееся в нем колесико, а потом моргнула и неожиданно вздрогнула, осознав высветившийся результат. «Вам суждено жить в Англии», – было написано на экране ее смартфона.

«Что это, подсказка судьбы или тонкое издевательство? – судорожно думала Маша, не отрывая глаз от украшавшего неожиданный вывод английского флага. – А вдруг у меня и вправду все получится? Я выучу английский язык, уеду в Лондон, найду работу и, чем черт не шутит, познакомлюсь с Джудом Лоу... Ведь сказки иногда случаются. Бабушка всегда говорила, что нужно верить в сказку, иначе скучно жить. Так почему же я так уверена, что она не может произойти со мной?»

Внезапно она почувствовала, что проголодалась. За последние недели она так привыкла к тому, что не может есть, что даже удивилась накрывшему ее чувству голода. В холодильнике был обнаружен засохший кусочек сыра и одно яйцо, в хлебнице – покрытый плесенью огрызок зачерствевшего батона, а на подоконнике – сиротливая банка с тушенкой. Маша задумчиво осмотрела все это богатство и приняла неожиданное решение совершить вылазку в магазин.

С одной стороны, выходить из обманчиво уютного мирка квартиры, в которой так маняще светился экран телевизора, было лень. С другой – Маше ужасно хотелось черешневого компота и ветчинной колбасы, положенной на свежий ржаной хлеб, а с третьей, как ни крути, а прекращать добровольную схиму все равно было нужно. Маме Маша не посмела сказать, что уехала в отпуск, чтобы не накликать на свою несчастную голову бури и грозы, неизбежно возникающие при таком повороте событий, а потому соврала, что заболела гриппом. Переполошившейся маме Маша строго-настрого запретила себя проводить.

Переполошилась она, естественно, не из-за того, что переживала о здоровье дочери, а от того, что боялась заразиться сама. За прошедшие две с лишним недели она пару раз звонила, чтобы выяснить, не готова ли еще дочь вернуться к выполнению своих обязанностей, но Маша разговаривала своим особенным «рыдательным» голосом, который мама воспринимала как «насморчный» и оставляла ее в покое. Но покой не мог длиться вечно. Для этого Маше нужно было как минимум помереть, а это в ее планы все-таки не входило.

Итак, решено, сейчас она оденется, сходит за продуктами, завтра съездит к маме, перезвонит Лиле, чтобы заверить подругу, что у нее все нормально, уточнит у Лавры, должна ли она досрочно выйти из отпуска, и, если нет, то оставшиеся у нее пять дней проведет за английским языком и просмотром фильмов с участием своего божества. А если да, значит, выдерет себя за волосы из свалившегося на нее сплина и вернется в реальную жизнь. Ту настоящую

жизнь, которая прописана в ее судьбе вместе с мерзнувшим за окном городом и страной, так не похожей на неведомую Англию.

Покупки заняли у нее неожиданно много времени. У Маши было чувство, что за две недели затворничества она растеряла самые простейшие навыки – не могла выбрать молоко, набрать лимоны в один пакет и помидоры в другой, решить, что именно нужно купить себе, а что маме. В магазине она провела не меньше часа и, когда вышла на улицу, то обнаружила, что стало почти совсем темно. Идти было недалеко, но тяжелые сумки оттягивали руки, и она пожалела, что не догадалась поехать в супермаркет на машине.

Обычно она так и делала, заезжая за провизией по дороге с работы, но сегодня неблагоприятно решила, что до магазина дворами минут пять ходу и ради этого прогревать застывшую на морозе машину просто глупо. На самом деле глупо было тащиться в темноте по скользкой тропинке с четырьмя тяжеленными пакетами в руках. Но в своих действиях Маша Листопад в последнее время перестала искать логику.

Чертыхаясь под нос, она медленно брела по направлению к дому, стараясь хотя бы не упасть.

– Простите, вы не можете мне помочь, я, кажется, заблудился, – услышала она за спиной мужской голос. В нем, приятном и бархатистом, было что-то неправильное, и Маша вдруг с изумлением поняла, что голос говорит по-английски, а она его понимает.

Резко повернувшись, она потеряла равновесие и рухнула вниз, роняя свои пакеты.

– О, my God! – воскликнул голос, и чьи-то крепкие руки помогли Маше вновь вернуться в вертикальное положение. – Простите, я напугал вас.

От изумления Маша не могла говорить. Происходящее казалось ей сном, и в этом сне она видела перед собой довольно высокого крепкого мужчину лет сорока, одетого в качественное, видно, что дорогое шерстяное пальто и шарф, элегантно обмотанный вокруг шеи. Голову мужчины украшала вязаная шерстяная шапочка, смешная и не подходящая по стилю. Но именно в такой шапочке на многих фотографиях красовался Джуд Лоу, поэтому Маша ее восприняла вполне благосклонно.

– Позвольте представиться, меня зовут Дэниел Аттвуд. С вами все в порядке?

– Да, спасибо, – пролепетала Маша. – Меня зовут Мэри. Вам нужна помощь?

– Помощь сейчас, скорее, нужна вам, – развеселился вдруг мужчина и начал собирать со снега Машины пакеты и выкатившиеся из них банки, в том числе и с черешневым компотом. – Но если вы сможете подсказать мне дорогу, то я буду вам признателен. Я иду в гости, но, кажется, потерялся.

– Какой адрес вам нужен? – спросила Маша, все больше и больше удивляясь сама себе. Она говорила по-английски, и незнакомец, судя по всему, ее понимал. Ну надо же, не зря она каждый день истязает себя уроками.

Оказалось, что он идет в ее дом, но в соседний подъезд, где его ждут друзья, и Маша вызвалась показать самый короткий путь. Ее тяжеленные пакеты он ей так и не отдал, а нес их сам, причем так легко и непринужденно, как будто они и не весили черт знает сколько. Сначала Машу это смущало, а потом перестало.

– А вы иностранец? – спросила она, смутно припоминая, что, кажется, такие вопросы задавать неприлично.

– Да, я – англичанин, – с готовностью отозвался Дэниел, видимо, ничего не знаявший о внушенных Маше бабушкой правилах приличия. – Я приехал на три месяца сюда по работе. Но вам это, наверное, неинтересно.

Все, что было связано с Англией, Маше сейчас было очень интересно, но так как признать в подлинной причине своего интереса было как-то неловко, она пробормотала, что очень любит английскую литературу.

– Голсуорси, Войнич, Шекпир, – старательно выговорила она. – Всегда жалела, что не могу прочитать их в подлиннике.

– Почему нет? – удивился он.

– Потому что я не знаю языка, – серьезно ответила Маша. – Мой английский ужасен.

– По-моему, нормально. – В темноте двора, по которому они шли, Маша скорее почувствовала, чем увидела, как он пожал плечами. – Но если хотите, я могу с вами заниматься. Признаться, впервые вижу в вашем городе человека, который любит Голсуорси и Войнич.

– А русскую литературу вы читали? – спросила Маша, оставив сделанное явно из вежливости предложение без внимания. – Каких писателей вы любите?

– Не буду оригинальным, но «Войну и мир». И, кстати, должен сказать, что вы, русские, зря стесняетесь своего несовершенного английского. Как бы вы ни говорили по-английски, вы все равно – молодец по сравнению со мной. Я же не говорю по-русски.

– Как же вы поехали в страну, не зная языка? – поддела его Маша, которой отчего-то было легко-легко, будто она и не разговаривала сейчас с совершенно незнакомым мужчиной, да еще и на чужом языке. Она просто не узнавала саму себя.

– А я и не должен был ехать, так получилось, – сказал он и остановился вслед за ней, потому что за разговором они уже пришли к Машиному подъезду.

– Ну что ж, спасибо вам. – Маша протянула руки и взяла свои тяжелые пакеты, мимолетно обрадовавшись, что не тащила их сама всю дорогу. – Вы мне очень помогли.

– А вы мне, – сказал он. – Мэри, а можно я вам позвоню?

– Зачем? – искренне удивилась Маша.

– Поговорить об английской литературе. И о русской тоже.

– А, да, конечно. Звоните. Но мне некуда записать свой номер.

– Я запомню, – серьезно сообщил мистер Аттвуд, если Маша правильно расслышала его фамилию. – У меня хорошая память на цифры.

И ей ничего не оставалось, кроме как продиктовать номер своего мобильного.

Глава 2

В квартире горел свет, и Маша, против воли, напряглась, потому что помнила, что, уходя, свет точно выключала, но уже через мгновение расслабилась. В кухне брякала посуда и оттуда тянуло умопомрачительным ароматом жареных оладушек с ванилином, бывших верным свидетельством того, что пришел Михалыч.

Маша аккуратно пристроила в угол свои неподъемные пакеты (все-таки хорошо, что ей не пришлось тащить их всю дорогу от магазина), быстро скинула пуховик и сапоги, натянула тапочки и побежала в кухню.

– Привет, Михалыч, – поздоровалась она и, подпрыгнув, повисла на спине орудовавшего у плиты мужчины. – Как же здорово, что ты решил заглянуть.

– Так мама сказала, что ты чахнешь тут. – Он повернулся, немного отстранился, чтобы лучше видеть, и быстрым цепким взглядом окинул Машу с ног до головы. – Похудела. И глаза ввалились. Болееешь или все-таки ревешь?

– Все-таки реву, – призналась Маша, у которой никогда-никогда не получалось обмануть Михалыча. Как-то так выходило, что он все всегда про нее знал. И когда она без спросу ела запрещенное мороженое, и потом у нее болело горло, и когда пыталась в дневнике исправить тройку на пятерку, и когда расстраивалась, что на школьной дискотеке ее никто не приглашает танцевать.

Именно ему она могла рассказать все, что ее волнует и тревожит, и он в ответ всегда находил нужные слова, которые делали ее горе чуть легче, менее объемным, что ли. Даже когда умерла бабушка. Тогда они вернулись с кладбища, и Михалыч несколько часов укачивал ее на коленях, словно маленькую, шептал какие-то пустые, ничего не меняющие слова, но от них охватившее ее горе скукоживалось, уменьшалось, сворачивалось кольцами на дне души, давало вздохнуть. А ведь тогда он уже был ей никем.

Если уж совсем строго, то Михалыч всегда был Маше никем – просто мамин муж, второй по счету. Они поженились, когда Маша училась в четвертом классе, а развелись, когда в восьмом, но он все равно продолжал приходить к ним в дом. И пока была жива бабушка, и потом, когда Маша осталась одна. Не считать же маму.

Мама с ее мужьями жила отдельно. И до Михалыча, и после. И ее, в отличие от него, никогда не интересовало, болит ли у Маши горло, отчего у нее зареванное лицо, и не хочет ли она свежих оладушек, издающих аромат ванили. Оладушки были его фирменным блюдом.

– Плохо, коли ревешь. – Он ловко подцепил лопаткой одну за другой четыре золотистые оладьи и скинул их на стоящую рядом тарелку, на которой уже красовалась целая горка, при виде которой рот Маши непроизвольно наполнился слюной. – Но ничего, сейчас горяченького поешь, глядишь, все и наладится. Садись, пока не остыли.

Машины глаза тут же непроизвольно наполнились слезами, но она быстро справилась с ними, деловито расставляя на столе тарелки и доставая из холодильника банку с крыжовенным вареньем, ее любимым. Плакать при Михалыче не хотелось. Хотелось есть оладьи и болтать о всяких пустяках.

– Сумки надо разобрать, – спохватилась Маша. – Там продукты и мне, и маме.

– Завтра к ней собираешься?

– Да.

Разговор о маме был запретной темой, которую они никогда не обсуждали. Маша знала, что этот серьезный, основательный, немногословный мужик до сих пор любил ее ветреную и беспутную мать. Любил и не осуждал, что в его ситуации было сродни подвигу.

Всего один раз Маша видела его пьяным. Тогда мама развелась в пятый раз, и Михалыч пришел к ней с предложением снова жить вместе. Он не претендовал на ее постель, просто

хотел быть рядом, решать бытовые вопросы, в которых мама была совершенно несведуща, помогать, защищать и заботиться. А мама высмеяла его и выгнала за порог.

Пьяный Михалыч сидел тогда на Машиной кухне и плакал, а Маша, в первый и в последний раз в жизни, утешала его и гладила по плешивой голове.

– Она сказала, что безнравственно жить с мужчиной, которого не хочешь, – говорил он. – То есть принимать мою любовь для нее безнравственно.

– Мама и нравственность – это оксюморон. – Маша тогда пожала плечами, потому что про маму давно все поняла. – Кроме того, ей одиночество совершенно не мешает. Для решения бытовых вопросов у нее есть я. Когда у нее начинает течь унитаз или кончаются продукты, она звонит мне. И наличие или отсутствие в этот момент в ее квартире и постели очередного мужа не имеет никакого значения.

– Не сердись на нее, Машута. – Михалыч пьяно икнул, но глаза у него смотрели неожиданно трезво. – Просто она такой человек. Слабый. Но женская слабость – это прекрасно. Она так пронзительна и так влечет к себе, что невозможно удержаться. Это как тот самый мотылек, который летит на огонь, зная, что сгорит. Я вот один раз сгорел, и все равно, позволь она, сгорал бы еще и еще.

– Женская слабость – это прекрасно, – задумчиво повторила тогда Маша, – вот только у меня почему-то не получается быть слабой. Я – сильная, потому что мне нужно заботиться о себе и о ней тоже.

– Ты сильная, потому что не можешь простить маму, – серьезно сказал совершенно протрезвевший Михалыч, будто и не пил вовсе. – Ты злишься на нее, за свое детство злишься, за бабушку, за меня, за то, что тебе приходится решать за маму все ее, как ты выражаешься, бытовые проблемы. Твоя злость не дает прорасти твоей слабости. И это очень плохо, Машута. Очень плохо. Если бы ты позволила себе стать слабой, твоя жизнь бы изменилась кардинально. Но ты не даешь себе такого шанса. Ты нарастила броню и старательно замазываешь даже самые мелкие, внезапно появившиеся на ней трещинки. Трудно нести на руках женщину в броне. Трудно, тяжело, неудобно... Да и не разглядишь под броней, какая ты там на самом деле. Я-то знаю, но не обо мне же речь.

– Да ни о ком речь, – буркнула тогда Маша, и больше никогда не повторялся между ними этот странный, опасный и неприятный разговор.

За прошедшие годы Машина броня стала еще толще и крепче, нарастив сантиметров пять, не меньше. По крайней мере, именно так это ощущала сама Маша. И про маму они тоже почти никогда больше не разговаривали, хотя Маша знала, что Михалыч регулярно к маме заходит, конечно, когда она в настроении и пускает его на порог.

Михалыч жил один, удобно и обстоятельно обставив свой холостяцкий быт. В прошлом году ему исполнилось шестьдесят, но на пенсию он не уходил. Наоборот, трудился на двух работах, объясняя это тем, что ему некуда девать свободное время. Днем он был заведующим лабораторией областной гидрометеорологической станции, на которой проработал всю свою жизнь. А ночь через две дежурил охранником на нефтеперегонном заводе, расположенном неподалеку от его дома.

– Тяжело же, Михалыч, зачем? Тебе что, денег не хватает? – спрашивала его Маша.

– Денег я еще могу тебе дать, – усмехался он. – Просто бессонница у меня старческая началась, ночью верчусь с одного бока на другой. Маета одна. А так ночь отдежуришь, на следующую ух как хорошо спится. Компания у меня там опять же. За разговорами ночь быстро пролетает, и не заметишь.

Одиночество Михалыча, которое он, впрочем, тщательно скрывал, Маше было совершенно очевидно. И именно поэтому редкие его визиты она всячески поощряла, стараясь создавать у него хотя бы какую-то иллюзию семьи.

– Что нового на работе? – и сейчас спросила она, внутренне тоскуя по возможности забраться под одеяло и включить очередной фильм на английском языке. С Джудом Лоу в главной роли, разумеется. Впрочем, ее тоска никогда не имела значения, если речь шла об интересах других людей.

– Да все тип-топ. – В голосе Михалыча проскользнула какая-то непонятная нотка, но погруженная в свои внутренние переживания Маша ее не услышала. – На завод англичане пожаловали, представляешь?

– Да ты что? – Маша оживилась, услышав слово «англичане». Перед глазами встал ее сегодняшний новый знакомый в элегантном пальто и смешной вязаной шапке. – А что они тут делают?

– Да вроде на переговоры приехали, к Аббасову.

Рафик Аббасов был директором нефтеперегонного завода, человеком уважаемым, порядочным, честным и благородным, хотя, казалось, таких в нынешние времена уже и не осталось, тем более в крупном бизнесе.

– Мужики говорят, Рафик надумал совместное предприятие создать с британцами. Крупный инвестиционный проект какой-то. Если выгорит, то область нашу это здорово поднимет. А у него получится, у него все всегда получается. Он меня, кстати, на работу зовет.

– Так ты и так у него работаешь, – не поняла Маша, со страшной скоростью поглощая оладьи. Вкусные они были до невозможности, впрочем, как и всегда. Михалыч хорошо делал все, за что брался.

– Да он на постоянку зовет. Говорит: «Нечего тебе, Михалыч, на проходной штаны просиживать. Я лабораторию расширяю в связи с новым проектом, так что твой опыт мне ого-го как пригодится».

– Ну так иди, конечно. – Маша намазала очередную оладушку вареньем, примерилась, сложила ее трубочкой, засунула в рот, начала жевать и даже зажмурилась, так вкусно ей было. – Что ты на своей станции сидишь? Сам говорил, оборудование устарело, денег на новое не выделяют, прогнозы ваши – пальцем в небо. А тут такой завод крупный, новое дело, да еще и англичане.

– А что англичане, – удивился Михалыч. – Почто они мне?

– Ну не знаю... Может, в Англию бы поехал. Дед там был, так бабушка потом про эту поездку до конца своих дней помнила.

– Ага. Я... В Англию. Пустят меня, как же. – Михалыч даже рассмеялся над таким предположением. – Аббасов поедет, юристы его, ну главный инженер, может... А я-то что... Даже если соглашусь, буду простой лаборант.

– Дед тоже был всего-навсего простой инженер, – упрямо возразила Маша. – И было это в шестидесятые, практически в годы холодной войны. А сейчас вообще сам бог велел. Вот и поедешь, на Лондон посмотришь.

– И что я там, по-твоему, не видел, – в голосе Михалыча зазвучало недоумение. – Все так же, как у нас, только язык незнакомый, да автобусы двухэтажные. Ну и этот еще, Биг-Бен. Ну-ка, Машута, признавайся-ка, чего ты вдруг про эту Англию заговорила.

– Вообще-то про Англию заговорил ты, – через силу улыбнулась Маша. – Сказал, что на завод британцы приехали. А я, кстати, сегодня с одним из этих британцев, похоже, познакомилась.

– Где ж это, позволь узнать. – Брови Михалыча поползли вверх, что, как знала Маша, выражало у него сильную степень озабоченности.

– Да возле супермаркета, – Маше, не знавшей отца, льстило, что этот человек так о ней заботится и переживает. – Он дорогу спросил, и, представляешь, оказалось, ему в наш дом, в соседний подъезд только.

– Ой, Машут, не нравятся мне такие неожиданности. – Михалыч заметно разнервничался. – Сейчас время такое, беспокойное. Связи с иностранцами могут боком выйти, как когда-то.

– Михалыч, миленький, успокойся! И время сейчас другое, и связи с иностранцами у меня нет. Я показала дорогу, человек помог мне поднести сумки. Простая взаимная вежливость. Поговорили и разошлись.

– Как это вы с ним поговорили, хотел бы я знать? – Брови Михалыча все еще стояли в положении «домиком». – Он по-русски говорил, что ли? Может, никакой не иностранец, а просто проходимец?

– По-английски мы говорили, Михалыч, по-английски, – успокоила его Маша. – Я же английский учу. Оказывается, даже что-то понимаю.

– Учишь? Английский? Ты? Зачем? Ой, Машка, не нравится мне все это. Мне вообще в последнее время все не нравится. Странности кругом происходят. А я не люблю, когда чего-то не понимаю.

Слова про странности, равно как и необычное для Михалыча волнение Маша в своем странном, влюбленном состоянии тоже пропустила мимо ушей, хотя и не надо было. Обычно чуткая к настроению близких ей людей, сегодня она пребывала в какой-то полуглухоте и полуслепоте. Казалось, все краски окружающего ее мира немного размыты, звуки приглушены. Она любила Михалыча и ценила его доброе отношение к ней, но сейчас, когда олады были съедены, ей все больше хотелось, чтобы он ушел, а она смогла вернуться в мир своих грез. Он заметил ее нетерпение, как всегда замечал все, касавшееся ее.

– Пойду я, Машута. – Он встал с табуретки, вышел в прихожую и, насупившись, принялся надевать ботинки. – В ночь мне сегодня. Завтра вечером отсыпаться буду, а потом, глядишь, и забегу. Ты тут не вляпайся ни в какие неприятности, пожалуйста. А то станется с тебя. Мне их пока разгрести некогда. Со своими бы разобраться.

Он поцеловал ее в щеку, неловко, как клюнул, и ушел.

«Неприятности? Какие еще у Михалыча могут быть неприятности, – мимолетно подумала Маша. – Он же удивительно правильный человек. До того правильный, что прямо скучный. Именно из-за этого мама и не смогла с ним быть. Впрочем, он и сам это понимает».

Мелькнувшая было мысль позвонить и выпросить все хорошенько уютно улеглась где-то в закоулках сознания. Маша вернулась в кухню, критически осмотрела заставленный посудой стол, быстро сложила все в раковину, залила водой и, заглушая голос совести, метнулась к дивану, чтобы посмотреть наконец-то кино, к которому так рвалась ее тоскующая душа.

* * *

Оставшиеся дни отпуска пролетели незаметно. Маша, конечно, скрепя сердце съездила к маме, отвезла продукты и выслушала порцию критики в свой адрес. В частности, узнала, что похудела и подурнела за время «болезни» еще больше, так что ее врожденная неказистость теперь выглядела просто устрашающе.

– Нет, я, конечно, не рвусь становиться бабушкой, я еще для этого слишком молода, – рассуждала мама, красиво держа сигариллу в своих тонких, длинных, совсем не старческих пальцах. – Но твои шансы выйти замуж тают просто на глазах, Мария. А женщина не может жить одна, конечно, если она настоящая женщина. Впрочем, – мама снова скептически осмотрела Машу с головы до ног, – впрочем, куда тебе понять, о чем я.

После разговоров с мамой у Маши всегда появлялась оскомина, как будто она съела лимон целиком, с кожурой, мякотью и без сахара. Сводило рот, щипало щеки изнутри, горело в желудке, в котором плескалась кислота отчаяния.

Лавра всегда твердила, что Маша – молодец и редкая умница, что ее решения нестандартны, идеи оригинальны, а организаторский талант достоин высшей оценки. Лиля искренне считала, что ее подруга – красавица с тонкими чертами лица, прозрачной белой кожей и огромными оленьими глазами. Просто эту ее красоту, неброскую и неяркую, чуть приглушенную способен оценить лишь тонкий ценитель прекрасного. Разглядеть, проникнуться и больше никуда от себя не отпустить.

Маше очень хотелось бы верить Лавре и Лиле, но в негласном споре всегда побеждала мама, утверждавшая, что Маша – дурнушка и бледная немочь, неспособная привлечь мужчину отсутствием внутреннего огня. Никакого огня Маша внутри себя действительно не ощущала, только холодное вежливое равнодушие ко всему, что не входило в сферу ее интересов. Мужчины точно не входили. Они были предсказуемы, скучны, ленивы, не любопытны и неспособны не то что на преодоление себя, а даже на малейший выход из зоны комфорта.

Мужья Машиных знакомых старательно наращивали пузо, по вечерам лежали на диване с бутылкой пива в руке и в вытянутых на коленках спортивных штанах и тупо пялились в телевизор. Они не водили сыновей на хоккей, не обсуждали последние литературные новинки, не смотрели громких премьер и даже не выпиливали лобзиком. От такой семейной жизни Маша завывала бы на вторую неделю, а потому обычно и не переживала, что семейной жизни у нее не было. Вот только если бы у нее мог быть ребенок...

Но ребенка не было тоже, поэтому Маша учила английский язык, досматривала фильмографию Джуда Лоу и с тоской думала о том, что через четыре дня нужно будет все-таки выходить на работу. Через три. Через два.

В воскресенье утром, впрочем, произошло событие, которое вырвало ее из морока последних недель. Маша сидела за компьютером и учила английский, когда позвонила Лиля. С последнего своего разговора подруги больше так и не созванивались, и сейчас Маше стало на мгновение стыдно.

– Привет, Лилька, – бодро сказала она в трубку. – У меня все хорошо, вот те крест. Отпуск закончился, завтра на работу, можешь сказать Лавре, что я готова к труду и обороне.

– Рада за тебя, но Лавре скажешь сама, – засмеялась Лиля. – Я вообще-то тебе с новостью звоню.

– С новостью? – не поняла Маша. – С какой новостью? На работу не надо?

– Да, Листопад, с тобой точно что-то происходит, – голос Лили, впрочем, не звучал озаченным. Он был радостным и усталым одновременно. – Никогда ты не была такой эгоцентричной. Балда, я тебе со своей новостью звоню, а не с твоей. Родила я.

– Лилька, – Маша даже задохнулась от охвативших ее эмоций. – Я, правда, балда какая-то. Здорово как. Когда ты родила? И кого? Мальчика?

– Родила я два часа назад. Сережка, мама и Валерия Сергеевна, конечно, в курсе, но после них сразу тебе звоню. Поняла, неблагодарная? А родила я девочку. Девочку, представляешь?

Маша очень даже представляла. В семье ее подруги уже и так было три мальчика: Гришка, сын Лили от первого брака, Степа, сын ее нынешнего мужа Сергея Лаврова, и Матвей, которого они с Лавровым взяли из детского дома полтора года назад¹. Так что все в семье, включая мальчишек, конечно, хотели девочку, вот только УЗИ почему-то уверяло, что будет мальчик.

– Лилька, как же я за тебя рада, – искренне сказала Лиля. – За всех вас рада. Тебя проводить-то можно?

– Не морочь мне голову, Листопад. Чего меня проводить? Я ж рожавшая, а не больная. Ребенок здоровенький, девять баллов по шкале Апгар. У меня тоже все в порядке, так что сказали, через четыре дня выпишут. Вот тогда в гости и приедешь.

¹ Роман Людмилы Мартовой «Под тонким флером вечности».

За окном впервые за долгое время вышло солнце. Зимнее, холодное, чуть тусклое, оно пускало солнечных зайчиков, отскакивающих от экрана ноутбука, за которым сидела Маша, норовило заскочить в глаз. Закончив разговор с подругой, Маша следила за траекторией движения этих зайчиков и тоже впервые за долгое время улыбалась. Пусть она неудачная и несчастливая, зато у Лильки вон как все хорошо. Девочка!

Она зажмурилась, подставляя лицо солнечным лучам и думая о том, что жизнь все-таки очень хорошая штука. Снова зазвонил телефон, и Маша, не открывая глаз, провела пальцем по экрану, отвечая на звонок:

– Да, Лиль, тебе все-таки что-нибудь надо?

– Excuse me, – пробормотал голос в трубке. Вовсе не Лилин, а мужской, смутно знакомый. – Это Дэниел Аттвуд. Помните, несколько дней назад вы дали мне свой телефон?

– Оооо, – пробормотала изумленная Маша. – Дэниел Аттвуд. Да, конечно, я помню. Здравствуйте. Вам снова нужна помощь?

– Помощь? – В его речи проскользнули непонимающие нотки. – А, помощь! Можно и так сказать. Насколько я понимаю, у вас сегодня выходной. И у меня тоже выходной. Можете ли вы показать мне ваш город? И поговорить об английской литературе, конечно, тоже.

Выползая из дома в последний выходной не хотелось, но Маша строгим внутренним голосом напомнила себе, что ей необходима разговорная практика. Она даже и мечтать не могла о возможности разговаривать с носителем языка, а тут на тебе, пожалуйста. Этот самый Аттвуд свалился ей практически под ноги, и она будет последней душой, если не использует этот шанс, дарованный ей Вселенной.

Мысль о том, что Вселенная неожиданно откликнулась на ее нужды и чаяния и послала именно то, в чем она сейчас нуждалась, настолько потрясла Машу, что она даже на мгновение выпала из разговора.

– Мэри, куда вы пропали? Вы меня слышите? – спросил голос в телефоне, и Маша вдруг испугалась, что он сейчас отключится и пропадет из ее жизни, а она, Маша, упустит подаренную возможность.

– Я не пропала, – торопливо сказала она. – Я здесь. Дэниел, конечно, я готова показать вам город и буду рада поговорить о литературе, тем более английской. Для меня это просто невозможная удача – улучшить мой английский. Я понимаю, он ужасен, но...

– Все хорошо у вас с английским, впрочем, я уже вам это говорил, – засмеялся он. – Но я рад, если буду вам полезен. Когда и где мы можем встретиться?

Маша скептически посмотрела на свою фигуру, одетую в болтающуюся трикотажную пижаму, и отражение всклокоченной головы в экране ноутбука. Нет, голову нужно мыть и укладывать. Конечно, на прогулку она пойдет в шапке, но вдруг они потом зайдут в какое-нибудь кафе, и шапку придется снять?

«Ты еще придумай в своей дурацкой голове, что у вас свидание, – сердито одернула себя Маша. – Просто ему скучно в чужом городе и незнакомой стране, вот он и ищет себе компаньона, чтобы оглядеться. Ты пусть и плохо, но все-таки изъясняешься по-английски. Наверное, у их переводчика выходной, вот он тебе и набрал».

– Дэниел, в какой гостинице вы остановились? – спросила она. – Я через полтора часа заберу вас оттуда на машине.

– Я не в гостинице, я снимаю квартиру, – ответил он, и Маша чуть не поперхнулась от удивления. – Я приехал надолго, почти на полгода, поэтому гостиница для принимающей стороны слишком дорогого.

Для нефтеперегонного завода любая гостиница в их городе была раз плюнуть, но Маша этого уточнять не стала. В конце концов, какая ей разница, где именно живет этот самый Дэниел.

– Давайте адрес, – решительно сказала она. – И ждите меня у подъезда ровно через полтора часа. И не волнуйтесь, я никогда не опаздываю.

Только вечером, к вящему своему удивлению, Маша поняла, что по зимнему, не очень-то уютному и красивому городу они прогуляли больше четырех часов. Напряжение от необходимости говорить на чужом языке и связанная с этим неловкость куда-то испарились почти сразу. Языковой барьер не помешал обсудить ни ту самую английскую литературу, до которой оба были охочи, ни достопримечательности Машиной малой Родины.

– Жалко, что сейчас зима, – говорила Маша. – Летом наш город гораздо красивее. Он такой зеленый, но зимой этого совсем не видно. Все бело-серое, как будто стертое и оттого унылое.

– Красота при низких температурах – абсолютная красота, – сказал он вдруг, и Маша чуть не упала, потому что это была фраза из сериала «Молодой папа».

– Ой, вы тоже смотрели, да? – спросила она.

– Что именно?

– Фильм про «Молодого папу»... Эта фраза оттуда...

– Эта фраза из вашего Бродского. – Он пожал плечами, и Маше стало стыдно, хотя про Бродского она прекрасно знала.

Сериал, занимавший все ее мысли в последнее время, Дэниел, как выяснилось, не видел, так что обсуждать было нечего, и она немного расстроилась.

Он заметил ее расстройство. Этот самый мистер Аттвуд, одетый в стильное кашемировое пальто, был довольно наблюдательным парнем, это Маша уяснила довольно быстро. Ей нравились внимательные люди, потому что они были равнодушными, а это качество она ценила выше других.

– Если это так важно, я посмотрю, – сказал Дэниел в ответ на ее огорчение, как ей казалось, неважное.

– Not at all. Вовсе нет, – махнула рукой Маша, но все-таки не удержалась и спросила: – А вы в Лондоне живете?

– В Лондоне, да. Преподаю английскую филологию в Институте Образования. Это один из лондонских университетов.

– Филологию? – не поняла Маша. – Я думала, вы инженер или химик.

– Почему? – Дэниел Аттвуд заметно удивился.

– Я знаю, что на наш... – она замялась, потому что не знала, как сказать по-английски «нефтеперегонный», – на наш самый крупный химический завод приехала английская делегация. Я думала, вы оттуда.

– Нет, я преподаватель, – теперь он засмеялся. – Приехал в ваш университет по программе обмена. Читать курс лекций вашим студентам. Хотя им, признаться, английская литература гораздо менее интересна, чем, к примеру, вам. А скажите мне, Мэри, вы бы хотели увидеть Лондон?

– Да! – воскликнула Маша, не успев подумать, что такая пылкость выглядит неприлично. Бабушка была бы в ужасе от ее бесцеремонности. – Очень бы хотела.

– И какую часть города больше? – улыбнулся он, ее пылкость ему явно импонировала, а про приличия он, видимо, не думал. – Бейкер-стрит?

– Бейкер-стрит тоже можно, – засмеялась Маша. – Вообще, думаю, программа русских туристов всегда одинакова. Но мне бы хотелось просто идти по улице, смотреть по сторонам, впитывать атмосферу. Я думаю, она в Лондоне особенная. А потом, раз, и встретить Джуда Лоу.

Выпалив свое сокровенное желание, Маша прикусила язык, но было уже поздно. Воробей вылетел, и поймать его обратно она уже не могла.

– Кого? – изумленно спросил Дэниел Аттвуд.

– Джуда Лоу, – промямлила Маша, понимая, что выглядит душой. – Это ваш такой знаменитый артист.

– Я знаю. – Он вдруг остановился прямо посередине набережной Волги, по которой они неспешно брели. Остановился и захохотал в голос. Маша даже рассердилась немного, что он так заливисто над ней смеется. Рассердилась и расстроилась из-за своего привычного несовершенства. – Простите меня, Мэри, – сказал он, отсмеявшись, – я не хотел вас обидеть. Просто это очень смешно, вы даже себе не можете представить, насколько. Скажите уж сразу, что бы еще вы посмотрели в Англии, если бы у вас была возможность туда поехать.

– Острова Силли. – Маша решила быть честной до конца. В конце концов, у нее уже не было репутации, которую она могла потерять. – Я бы хотела побывать на островах Силли, потому что в одном из интервью Джуд Лоу сказал, что это самое красивое место в Англии. Я так понимаю, это недалеко от Корнуолла.

Этот проклятый Аттвуд снова расхохотался, щедро являя миру ровные крепкие белые зубы. Маша стиснула свои.

– Вы прекрасны, Мэри, – сказал он, отсмеявшись.

– Я – глупая, да? И мечты мои глупые? – уточнила она, борясь с внезапно подступающими слезами.

– Вы прекрасны, – повторил он. – А мечты... Они сбываются. Правда-правда. Когда действительно чего-то очень сильно хочешь, то Вселенная всегда идет тебе навстречу.

Он сказал это теми словами, которыми Маша сама думала совсем недавно, и это совпадение мыслей если не напугало, то ошеломило ее.

«Вселенная идет мне навстречу, – думала она ночью, лежа в кровати и вспоминая весь этот длинный и отчего-то наполненный душевным спокойствием день. Так хорошо и спокойно, как сегодня, ей не было уже очень давно. – Вселенная идет мне навстречу, и, главное, не пропустить тот подарок, который она мне уготовила. Разглядеть его, принять и не забыть поблагодарить в ответ».

И на этой мысли она крепко уснула. Отпуск закончился.

* * *

Мэри не спалось. За окном шел дождь, и капли, барабанившие по подоконнику, не раздражали, а наоборот успокаивали, позволяя мыслям течь неспешно, плавно. Она с молодых лет страдала бессонницей, свыклась с ней, научилась не раздражаться, чувствуя, что сон не идет, а тихонько лежать в постели, не ворочаясь и стараясь дышать ровно, чтобы муж не задавал лишних вопросов.

Впрочем, вот уже пятнадцать лет минуло, как ее по ночам больше не мог никто ни о чем спрашивать. И не по ночам тоже. Став вдовой в шестьдесят семь лет, Мэри наконец-то обрела свободу. Ту самую свободу, о которой она много лет мечтала бессонными ночами и которая теперь была ей не нужна. Никому не нужна. Сейчас ей уже восемьдесят два, и она по-прежнему не спит, прислушиваясь к шороху крадущегося по ночной улице дождя.

Мэри Шакли была убеждена в том, что возраст имеет неоспоримые преимущества перед молодостью. Не надо никуда спешить, не надо никому ничего доказывать, не нужно нести свой бесконечный крест, сгибаясь под невыносимым чувством долга. Слава богу, все свои долги она давно раздала и теперь может себе позволить жить, как живет. Слушать ночной дождь, спать до полудня, есть то, что вкусно, а не то, что полезно, а главное – ни на что не надеяться.

Возможность не жить надеждой Мэри считала самым главным из всех возрастных преимуществ. Все люди, с которыми было связано это чувство, давным-давно умерли, и Мэри похоронила свои надежды вместе с ними. «Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов», – кажется, так сказано в Евангелии.

Надежды и мечты, с ними связанные, остались в прошлом. Им на смену пришли воспоминания, которые она и перебирала теперь по ночам, как бесценные жемчужины на старом, немного потрескавшемся от времени ожерелье. Оно было единственным вещественным доказательством того, что в ее жизни действительно был тот мужчина, память о котором она так трепетно хранила последние пятьдесят пять лет. Если не считать сына, конечно.

Легкая улыбка тронула сухие тонкие губы, когда-то сочные и яркие, горящие под жадными, полными страсти, запретными поцелуями. Александр – точная копия отца, а значит, постоянное напоминание о совершенном ею грехе. Точнее, грехом ее измена выглядела бы только в глазах мужа, если бы он дал себе труд о ней узнать. Сама Мэри свою любовь грехом не считала, наоборот, была уверена, что грешно всю жизнь прожить без любви.

Бог распорядился ее жизнью так, что в ней были два Александра. Один мелькнул как падающая на небе звезда, оставив короткую, но яркую вспышку, поселил в сердце тоску о несбывшемся и мучительную многолетнюю надежду на еще одно, пусть тоже короткое, свидание. Второй – оставшийся ей в утешение сын, которого волею судьбы ее муж воспитал как своего, но носивший имя настоящего отца и похожий на него внешне – особой статью, цветом глаз, завитком волос на затылке, смешными колючими волосками, растущими на мочках ушей, и даже родинкой на правой щеке. Уж если она в чем и грешна, так только в том, что всегда любила его больше, чем Вики, свою старшую дочь.

Вики была плодом жизненной необходимости, устоявшегося семейного уклада, заставившего Мэри рано выйти замуж за «подходящую» с точки зрения родителей партию и сразу же родить ребенка. Дочь и выросла такая же унылая и скучная, как и обстоятельства, в которых появилась на свет. Александр же был настоящее дитя страсти – подвижный, неутомимый, любопытный и ничего не боящийся. Мэри всегда боялась за «двоих», но, несмотря на ее ненормальную материнскую любовь, мальчик вырос успешным и самостоятельным, материнской отрадой и счастьем. Ох, если бы отец мог его хотя бы одним глазком увидеть...

Мэри краем пододеяльника вытерла набежавшие слезы. Когда распался Советский Союз и связь с Западом перестала рассматриваться, как преступление, ее надежды, к тому моменту уже значительно подвявшие, вдруг расцвели с новой силой. Сыну было уже тридцать. Ей – всего пятьдесят семь. Не возраст совсем. Особенно это понимаешь сейчас, с высоты прожитых восьмидесяти двух лет. Александру должно было быть шестьдесят два, тоже совсем еще не возраст для мужчины.

День за днем Мэри ждала письма с иностранным штемпелем, ведь за все эти годы она ни разу не согласилась на то, чтобы поменять квартиру, сколько бы ни предлагал Ройл, ее муж. Ей казалось, что так у Александра будет шанс ее найти. А как он сделает это, если она переедет?

Но годы шли, а ее никто не искал. Уже овдовев, Мэри сама затеяла поиски, слала и слала запросы, пытаясь найти в далекой России человека, которого знала так недолго и которого полюбила так сильно. Сейчас она точно знала день, в который в одночасье стала старухой. Это случилось накануне ее семидесятилетия, когда она получила-таки письмо с иностранным штемпелем, а в нем уведомление о том, что ее возлюбленный скончался в далеком восьмидесятом году, задолго до падения советского режима. А значит, все эти годы она ждала и надеялась напрасно.

Мэри Шакли похоронила пепел своих надежд и теперь жила дальше спокойно и безмятежно, как и положено в старости. И лишь легкая тревога за внука в последнее время омрачала ее покой. С мальчиком явно что-то происходило, и это «что-то» было нехорошим и тяжелым, как висящая над головой предгрозовая туча, намеревающаяся разразиться то ли проливным дождем, то ли ураганом.

Она снова легонько улыбнулась. «Мальчику» было уже под сорок, не ребенок. Но Мэри физически ощущала, как разрывают его грудь какие-то внутренние демоны, не дающие покоя. Присутствие этих демонов она замечала по беспокойному лихорадочному блеску глаз, суетли-

вым движениям рук, ответам не попадая, странному, непонятно откуда взявшемуся интересу к делам давно минувших дней, а главное – навязчивому желанию поехать в Россию.

Сейчас внук был как раз там, в далекой стране, одно название которой заставляло трепетать старое сердце Мэри Шакли. И эта его поездка вызывала в ней сильнейшее беспокойство, хотя Мэри никогда и не была склонна к пустым тревогам. Вики и Александр ее опасений не разделяли. Сын – от того, что не был склонен драматизировать ситуацию. Дочь – от того, что по природе своей была глуповата. Для нее стабильная работа, пусть и связанная с командировками, была главным критерием безопасности. А Россия... Что ж, Россия... Медведи там по улицам не ходят, это точно. А во всем остальном мальчик сам сможет за себя постоять.

Мэри Шакли понимала, что работа ни при чем. Совсем ни при чем. Ее внук поехал в Россию не по службе, не из-за денег или карьерного роста. Его толкал туда дух авантюризма, и Мэри дорого бы отдала за то, чтобы узнать, что именно ему там понадобилось. Она искренне надеялась, что не разгадка ее старой, постыдной тайны. В конце концов, она хранила ее столько лет не для того, чтобы быть выставленной на осуждение собственных детей.

То, что Вики осудит, было совершенно понятно. Впрочем, мнение Вики Мэри особо не волновало. Она всегда умела пропускать мимо ушей недовольство собственной дочери. А вот Александр... Как он отреагирует, узнав, что наполовину русский. Как отнесется к тому, что мать столько лет молчала... Мэри не знала и не стремилась узнать. А потому длительная командировка внука волновала ее сильнее, чем она признавалась даже самой себе.

Февральский лондонский дождь стучал по подоконнику, словно просясь пустить его внутрь, в старую квартиру, в которой теперь, кроме Мэри Шакли, жили только ее воспоминания и тревоги.

Глава 3

В существовании божественного провидения Маша больше не сомневалась. Вселенная давала ей знаки всеми возможными способами, и не заметить их мог только глухой и слепой. Ни глухой, ни слепой Маша Листопад не была.

Большой и важный заказ, полученный Лаврой, для выполнения которого той и нужна была Маша, оказался корпоративным праздником для... нефтеперегонного завода, возглавляемого Рафиком Аббасовым.

– Они вот-вот крупный контракт с англичанами подпишут, – рассказывала Маше Лавра, уже успевшая раскритиковать ее удобу и запавшие глазищи. – Решили устроить корпоративные состязания по тимбилдингу, а заодно большой семейный праздник с призами и подарками. Бюджет – прекрасный, уровень ответственности – ужасающий. Да нам не привыкать. Справимся как-нибудь... Ты вот что, Машунь, отправляйся на завод, познакомься там с человеком, которого они, со своей стороны, ответственным назначили, и начинай кумекать. Время поджимает.

– К этому нам тоже не привыкать, – флегматично пожала плечами Маша. – Само мероприятие-то когда?

– Они хотели к Восьмому марта приурочить, но тут я скалой встала, потому что за две недели мероприятия такого масштаба не готовятся. Но и позже конца марта никак, потому что у них подписание соглашения на это время запланировано. Так что ориентировочно мы его на двадцать пятое поставили. Отгуляют, отпразднуют, документы свои подпишут, начнут проект реализовывать. А нам спасибо, мы свободны. В общем, Машунь, неделя на идею у тебя, не больше.

– Пожелания какие-то есть? – спросила Маша, которая, на самом деле, уже прикидывала в голове варианты праздника с «английской спецификой». Хорошо все-таки, что она познакомилась с Дэниелом, можно будет попросить у него консультацию по английским традициям, а то ведь сама она ничегошеньки в этом не понимает.

– Нет, все отдано нам на откуп, – Лавра тоже пожала плечами, – как всегда. У нашего агентства, Маша, такая репутация, что нам никто пожеланий не высказывает, наоборот, нас слушают, открыв рот. И вот в этом, дорогая, самая большая заслуга – твоя.

– Да ладно вам, Валерия Сергеевна, – засмущалась Маша. Она всегда смущалась, когда ее хвалили. Смущалась и чувствовала себя самозванкой.

Она внезапно почувствовала, что соскучилась по работе, которую действительно делала хорошо и очень любила. Отпускной морок, душный, парализующий волю, куда-то рассеивался. Маше казалось, что она даже дышать стала глубже и свободнее.

Не откладывая дела в долгий ящик, она созвонилась с помощником Рафика Аббасова, приветливой девушкой, которую звали Марьяной, договорилась о встрече и спустя пятнадцать минут уже ехала на нефтеперегонный завод.

Марьяна оказалась ответственной, поэтому пропуск на вахте Машу уже ждал, дорогу в заводоуправление ей любезно показал охранник, которому Маша улыбнулась искренне и по-доброму, поскольку работал он на том же посту, что и Михалыч, территория выглядела чистой и ухоженной, с тщательно прочищенными дорожками, ровными, аккуратными сугробами, голубыми соснами, уходящими в бездонную синь неба, и отделанными одинаковыми плитами зданиями, оснащенными кондиционерами.

Собственно завод с его промышленной площадкой, которая по ночам освещалась тысячами лампочек, даря городу уникальной красоты арт-объект, привлекающий внимание всех проезжающих, был чуть в стороне. Маша сейчас находилась на территории заводоуправления, на которой, как она знала, располагался еще лабораторный корпус, а также социальная инфра-

структура – бассейн, спортивный зал, столовая и даже своя небольшая амбулатория со стоматологическим кабинетом, который Аббасов оснастил самым современным оборудованием.

О людях здесь заботились не на словах, а на деле. Зарплату платили исправно, и «белую», правда, за пьянство и прогулы выгоняли сразу, без разговоров и лишнего «собеса». Насколько знала Маша, текучки на заводе не было, а очередь желающих работать именно здесь, наоборот, была всегда.

Репутация у предприятия в целом и его руководителя в частности вызывала трепет, и Маша была рада потешить собственное любопытство и в ходе совместной работы посмотреть на ситуацию изнутри. Ей было интересно узнавать про новых в своей жизни людей. Все они были разные, и у всех можно было чему-то поучиться.

Войдя в главное здание заводоуправления, она остановилась и покрутила головой в поисках лестницы. Марьяна сказала, что ей на третий этаж.

– Do you need help? – услышала она и обернулась.

Из двери, за которой как раз виднелась искомая лестница, к ней навстречу спешил высокий, довольно красивый мужчина.

– Нет, спасибо, я уже поняла, куда мне идти, – автоматически ответила Маша по-английски и внутренне даже рассмеялась над собой. Ну надо же, как ей в последнее время везет на англичан! Могла ли она три недели назад хотя бы мечтать о подобной разговорной практике?!

– Прекрасно, – бодро ответил мужчина. – Тогда могу ли я проводить вас туда, куда вам нужно? Кстати, позвольте представиться. Меня зовут Гордон Барнз.

– Мария. Мэри. Благодарю вас за помощь, мне нужен кабинет помощника директора. Ее зовут Марьяна.

– Оу, Марьяна... Конечно, я покажу вам. – И Гордон Барнз широкими шагами пошел впереди Маши, показывая ей дорогу и распахивая все встречающиеся по ходу двери. Обходительности ему было не занимать.

– Мэри, а будет ли наглостью с моей стороны, если я попрошу вас показать мне город? – спросил он, когда они уже поднялись на третий этаж и подошли к одной из дверей, украшенной табличкой, на которой красовался знак кислорода. Это Маша помнила со школьного курса химии, хотя науку эту никогда не понимала и терпеть не могла.

– Как интересно, – сказала она непроизвольно.

– О, это придумка господина Аббасова – отмечать кабинеты не номерами, а знаками периодической системы Менделеева. Без Марьяны он как без рук. Жить не может. Как человечество без кислорода, поэтому она – кислород.

– А сам господин Аббасов? – спросила заинтересованная Маша.

– А он силиций...

– Кремний, – напрягла извилины Маша. – Созвучно слову «кремень».

– Да, возможно. Так что, вы покажете мне город?

Уже второй человек, точнее, второй иностранец, за два дня просил ее об этой услуге. Почему и Дэниел, и этот Гордон выбрали в экскурсоводы именно Машу, было ей непонятно, но причины отказывать она не видела, потому что человеком была гостеприимным и вежливым. Опять же разговорная практика... И вообще, чем черт не шутит, вдруг кто-нибудь из ее новых знакомых поможет ей найти работу в Англии? Или она уже решила, что не хочет бросать фирму и Лавру? Маша внезапно почувствовала, что устала от бушевавшей в голове сумятицы.

– Да, конечно, я с удовольствием покажу вам город, – вслух сказала она. – Только, если можно, не сегодня. Мне нужно провести подругу, которая родила ребенка. Она живет за городом, поэтому освобожусь я поздно.

– Конечно. – Гордон Барнз даже руками всплеснул, показывая, что не собирается нарушать Машиных планов. – Мэри, я не настаиваю на том, чтобы вы под меня подстраивались.

Дайте мне ваш телефон, я вам позвоню завтра, и мы договоримся о встрече. Конечно, если вы будете свободны.

«Ох уж эта знаменитая английская «politeness», – подумала Маша. – Как там все-таки мальчиков с детства воспитывают, что они такие обходительные и вежливые. Не чета нашим».

Она достала визитную карточку, тоже вежливо улыбнувшись, вручила ее Барнзу, попрощалась и открыла дверь кабинета, в котором ее ждала Марьяна.

Пожелания завода по поводу предстоящего праздника оказались более чем скромными, помощница директора приветливой и улыбчивой, кофе, которым угостили Машу, горячим и крепким, так что месяц, который ей предстояло работать над новым проектом, ожидался приятным и не очень сложным. Обычно Маша с первого взгляда понимала, капризный перед ней клиент или спокойный, въедливый или доброжелательный, готовый на уступки или бескомпромиссный. И, как подсказывал опыт, нефтеперегонный завод обещал стать в истории их агентства одним из самых лучших клиентов, не говоря уже о том, что озвученный Марьяной бюджет, если и не поражал воображение, поскольку за годы работы Машу трудно было чем-то паразитить, то точно навевал приятные мысли о приличной премии. Лавра будет довольна.

Она уже представляла в общих чертах, как организует этот корпоративный праздник. Вначале командные игры, так называемый тимбилдинг, который так любят руководители крупных фирм. Пожалуй, команды она разобьет по принципу деления Великобритании на административные округа. Им нужно будет заранее придумать себе костюмы, слоганы и прочую атрибутику в стиле именно того графства, которое команда вытащит при жеребьевке. Обязательна интеллектуальная викторина. Для этого пригодится информация об истории Соединенного Королевства, его культуре и традициях.

Отдельно – спортивные соревнования. Скачки, поло и гольф, конечно, не подойдут, а вот крикет освоить вполне можно, времени у команд достаточно, да и футбольный матч устроить тоже. Так, с этим все понятно. Отдельно – детская площадка с показом какой-нибудь традиционной английской сказки. И отдельным пунктом меню обеда для сотрудников и их семей. Еще обязательно цветочное убранство зала, но с этим поможет Аля из «Мира цветов», ей такая задача наверняка понравится. И дресс-код продумать, чтобы было не напряжно для большинства сотрудников, но все-таки с некоторой «изюминкой». Английской, разумеется...

Маша коротко поделилась своими идеями с Марьяной и получила полное их одобрение.

– Для детей бы еще что-нибудь придумать, – сказала она. – Мероприятие же будет рассчитано на целый день. Одного фильма или спектакля, наверное, маловато. Игру бы какую-нибудь. Такую, знаете, чтобы всех увлекла и всем в ней место нашлось.

– Знаю! – воскликнула Маша. – Знаю, что это должно быть. Оловянные солдатики.

– Что? – не поняла Марьяна.

– В Англии была очень распространена игра в оловянных солдатиков. Можно детей постарше разделить на две команды и разыграть сражение. Чтобы они свои армии передвигали, стратегию придумывали. Это интересно очень. Надо будет только модератора хорошего найти, но, думаю, это не проблема. Этим во многих исторических клубах занимаются.

– Любопытно. – Марьяна улыбнулась с симпатией. – Я, помнится, в детстве как-то увидела оловянных солдатиков у одного мальчика в гостях, и мне так тоже захотелось. Только родители уверили меня, что девочки в солдатиков не играют.

– А я любила, – призналась Маша. – У нас дома была коробка с оловянными солдатиками. Ее деду подарили много-много лет назад, когда мама совсем маленькая была. Бабушка их берегла как зеницу ока, но иногда все-таки доставала и позволяла мне если и не поиграть, то хотя бы поразглядывать. Я их на столе расставляла и часами на них смотрела, в голове придумывая всяческие истории. Не трогала даже. Просто смотрела и мечтала.

– Так вот откуда у вас такая фантазия буйная, – рассмеялась Марьяна. – Так здорово все придумываете, на лету! Я бы, наверное, несколько дней сидела, а не придумала столько,

сколько вы за полчаса нашего разговора. А скажите, Маша, а можно еще какой-нибудь тренинг провести в рамках нашего праздника или семинар, а может быть, лекцию. Рафик Валидович любит, когда отдых не только для души что-то дает, но и для ума. Он такой человек, что бесполезного времяпровождения совсем не признает.

– Лекцию? – переспросила Маша. – Ну, конечно, лекцию! Будет прекрасная лекция по английской литературе на английском же языке. С переводчиком, разумеется. Я думаю, что можно еще будет потом на заводе маленькую библиотеку открыть, чтобы люди почитали то, про что ими расскажут. И видеозал, к примеру. По многим книгам такие прекрасные фильмы сняты!

– Здорово как. – Марьяна даже в ладоши захлопала. – Рафику Валидовичу точно такая идея понравится. А лектора откуда возьмем? Из Англии выпишем?

Маша представила бюджет доставки специального лектора из Англии и подавила соблазн сказать, что да. Маржа агентства при таком раскладе получалась просто фантастической, но врать Маша считала делом недостойным и знала, что ее любимая начальница Валерия Сергеевна Лаврова придерживается таких же принципов, пусть и в некоторый ущерб бизнесу. Впрочем, ущерба на самом-то деле и не было. Репутация Лавры была такой, что в очередь на организацию мероприятий к ней стояли самые выгодные и денежные клиенты, так что агентство точно не бедствовало и без того, чтобы брать плату за несуществующие услуги.

– В нашем городе преподаватель одного из лондонских университетов находится, – пояснила она вслух. – Приехал на несколько месяцев по обмену. Читает лекции студентам нашим. И так получилось, что я с ним знакома. Думаю, что он не откажет, потому что дело свое искренне любит. Тем более что на празднике будут его же соотечественники. В общем, я договорюсь, Марьяна, и на бюджете это не скажется.

– Ну вот и отлично, – девушка снова улыбнулась. – Тогда, наверное, на сегодня все? Договор подписан, я буду ждать сценарный план и смету. Сколько дней вам потребуется?

– К пятнице уложусь, – ответила Маша, прикинув объем работы.

– Прекрасно. – Марьяна встала, давая понять, что встреча окончена. В движениях ее появилось что-то суетливое, как будто она вдруг заторопилась куда-то.

Маша незаметно глянула на часы. Так и есть – время обеда. Видимо, у помощника директора назначена какая-то важная встреча, и она не хочет на нее опаздывать. Чтобы не заставлять понравившуюся ей девушку волноваться, Маша быстро попрощалась, надела шубку, надела на шею шарф и выскользнула из кабинета. На первом этаже она остановилась и, немного подумав, отошла чуть в сторону, чтобы одеться и застегнуться по-настоящему. На улице было холодно, идти до проходной, на которой осталась ее машина, далековато, и мерзнуть, а тем более болеть Маше не хотелось.

Она как раз закончила возиться с крючками и петлями, закинула на плечо сумку и собралась двинуться к выходу, как увидела Марьяну, легко сбегавшую с лестницы, как будто не касаясь ступенек. На девушке была невесомая, распахнутая шиншилловая шубка, тонкие каблочки на казавшихся бесконечными ногах, длинные, тщательно завитые локоны в художественном беспорядке рассыпались по спине. Она была очень красивой, Маша даже залюбовалась издали, она вообще любила смотреть на красивое.

Хлопнула входная стеклянная дверь, Марьяна немного побалансировала на скользком крыльце, но удержала равновесие и сбегала вниз в объятия радостно подхватившего ее мужчины, в котором Маша узнала Гордона Барнза.

«Интересно, и зачем ему я, чтобы посмотреть город», – озадаченно подумала она, наблюдая, как парочка о чем-то разговаривает. Из-за стекла ей не было слышно, о чем, но губы шевелились у обоих, значит, Марьяна вполне прилично владела английским.

Впрочем, говорил в основном Барнз, и Маша, которой теперь неудобно было выйти наружу, чтобы они не подумали, что она за ними следит, терпеливо ждала, пока они уйдут

на свой обед, на который так торопилась Марьяна. Но они не уходили, а лицо Марьяны становилось все печальнее и печальнее. Ее губы снова зашевелились, она повернулась и, опустив голову, пошла обратно в здание, а Гордон Барнз легкой походкой двинулся в другую сторону.

Обед отменился, – поняла Маша и судорожно приложила к уху свой мобильник, сделав вид, что занята разговором, задержавшим ее в здании заводоуправления. Ко входу она вообще повернулась спиной, но все это было излишне, поскольку расстроенная Марьяна ее даже не заметила. Теперь ее походка была не летящей, а тяжелой. Высокие каблуки стучали по плитке пола, как будто гвозди вбивали. Тюк, тюк, по самую шляпку. Маша проводила ее глазами и наконец-то вышла на улицу, чтобы вернуться на работу со своей затянувшейся встречи. Тратить время попусту она не любила.

* * *

К концу рабочего дня сценарный план был начерно готов, и Маша даже успела показать его Лавре, которая, прищурившись через сдвинутые на кончик носа очки, внимательно изучила написанное.

– Молодец ты у меня, Машка, – удовлетворенно сказала она, откинувшись на спинку кресла, сняв очки и откидывая их в сторону так, что они поехали по столу с бумагами и чуть не свалились на пол. Лавра все и всегда делала стремительно. – Вот одно слово – молодец. Талант. Единственное, что я бы сюда добавила – это концерт какой-нибудь звезды. Вспомни древних. Их успех управления зиждился на формуле «хлеба и зрелищ». Хлеб ты заложила, причем как материальный, так и интеллектуальный, а про зрелища позабыла. Библиотека – это, конечно, прекрасно, но концерт какой-нибудь бы точно не помешал.

– Концерт? – спросила Маша задумчиво, сразу и беспрекословно признавая правоту своей начальницы. – Какой концерт? Как вы думаете?

– Ну, точно не Стаса Михайлова, – фыркнула Лавра. – Что-нибудь приличное, разумеется, с учетом иностранцев.

– «Роллинг Стоунз» к нам вряд ли поедут, – засмеялась Маша. – И модные нынче «Арктические обезьяны» тоже. Кроме того, это же праздник для всего коллектива, так что Стас Михайлов, думаю, большинству пришелся бы ко двору.

– Мария, – Валерия Сергеевна наставительно подняла указательный палец, – никогда не думай о людях плохо заранее. Это раз. И не принижай планку, тобой же и заданную. Это два. Если ты придумала лекцию по английской литературе и командную игру в крикет, то не можешь не понимать, что диссонанса в мероприятии быть не может. «Роллинг Стоунз» к нам, конечно, не поедут... Но ты уж постарайся, придумай что-нибудь достойное им на замену.

– Придумала, – выпалила Маша. – Давайте пригласим Симфонический оркестр Мариинского театра вместе с Гергиевым, разумеется. У них есть программа, с которой они ездят по малым российским городам, так что это вполне реально. Маэстро руководил Лондонским симфоническим оркестром, так что для англичан это будет понятная и интересная культурная программа. А наши... э-э-э... подтянутся...

Лавра смотрела на нее с удовольствием.

– Я и говорю: «талант», – подытожила она. – Недешевое, конечно, это будет удовольствие, но, думаю, что Раф оценит и деньги найдет. Можно будет еще и в городе концерт организовать, типа в дар от завода. Да, отличная идея, Маша!

От похвалы Маша расцвела, потому что, несмотря на то что похвала эта была делом привычным, все равно все время сомневалась в себе и своих организаторских способностях. Каждый новый заказ, за который она назначалась ответственной, будто давал старт доказательству новой теоремы, стирая прошлые успехи и обнуляя предыдущие результаты.

Валерия Сергеевна иногда ругалась на Машу, называя перфекционисткой с синдромом отличницы, но чаще держала язык за зубами, поскольку именно на этой черте ее сотрудницы и держалась львиная доля успеха компании.

– Лилю поедешь проводить? – спросила она. – Она, поди, ждет тебя не дождется. Сережка ее еще утром из роддома забрал, так что я сегодня пораньше уйду. Очень уж хочется внучку потетешкать. – Она счастливо рассмеялась.

– Поеду, если можно, – кивнула Маша.

– Чего ж нельзя. – Лавра пожала плечами. – Мой дом – дом моих детей и внуков. Их гости – мои гости, не говоря уже о том, что ты мне и сама как родная. Приезжай, конечно. Лилия будет рада. Покормим хоть тебя, вон какая худющая из отпуска своего приехала.

– Не ездила я ни в какой отпуск, – повесив голову, призналась Маша. Нет, все-таки врать она не умела совершенно.

– Как это не ездила? – Лавра изумленно смотрела на нее, будто не узнавала. – А что же ты три недели делала, позволь спросить?

– Дома сидела. Кино смотрела. Английский учила.

– И откуда это вдруг такая мизантропия взялась, скажи на милость? Вроде раньше я за тобой склонностей к уединению не наблюдала. Мария, я с кем разговариваю, и смотри мне в глаза, будь любезна.

Нет, все-таки Маша Листопад была слюнтяем и тряпкой. Никогда она не умела настоять на своем. Никогда. Вот и сейчас, послушно глядя начальнице в глаза, она рассказывала о просмотренном ею сериале, о навалившейся после него тоске и тяге к неведомому доселе артисту, ради которого она даже взялась за сильно хромающий английский.

Чем дольше говорила Маша, тем сильнее чувствовала себя душой. Точнее, ей больше подходило английское определение «insane» – сумасшедшая. Впрочем, в глазах внимательно слушающей Лавры не было насмешки. И жалости, которой так боялась Маша, тоже не было. Скорее, безмерное удивление и какое-то уважение даже.

– Ты все-таки одна из самых удивительных людей, которых я знаю, – задумчиво сказала она, когда запинаящаяся и пунцовая от стыда Маша закончила свой рассказ. – Человек цели. И настойчивость в ее достижении у тебя тоже удивительная. Как у бульдога. Вцепится, ни за что не отпустит.

– Вы о чем сейчас, Валерия Сергеевна? – не поняла Маша.

– Да о тебе, целеустремленности твоей, о чем же еще. – Лавра тихонечко вздохнула. – Вот я даже не сомневаюсь, что и язык ты выучишь, и визу рабочую получишь, и в Англию уедешь, и с объектом своей страсти непременно познакомишься. Если он, конечно, к тому времени еще будет тебе интересен. Переросла ты меня, Маша. И компанию нашу переросла. И на кого я ее теперь оставляю, когда на пенсию уйду, а?

– Вы что, смеетесь? – с подозрением спросила Маша, хотя Лавра была абсолютно серьезна. – Валерия Сергеевна, грех смеяться над убогими. Никуда я не уезжаю, вы что... И вообще, о каких моих успехах вы говорите? Меня вон даже замуж никто не берет. Мама говорит, что я во всем такая неудачная.

– Ничего твоя мама не понимает, – снова вздохнула Лавра. О ситуации в семье Листопад она была наслышана и много раз думала о том, что женщину, называемую Машиной матерью, при возможности удавила бы собственными руками, не раздумывая. – Ты, Маша, всегда достигаешь того, чего действительно хочешь. А замуж ты не хочешь, поэтому и не замужем. – Она слабо улыбнулась. – А так, ты не женщина, а асфальтоукладочный каток, добиваешься любой поставленной цели. И если ты четко ее сформулируешь, то Вселенная тут же начинает идти тебе навстречу.

Маша вздрогнула. Эти слова – про идущую ей навстречу Вселенную – в последние дни встречались ей постоянно, причем из уст разных людей. Ну как тут не поверить в провидческие совпадения?!

– Ладно, Валерия Сергеевна, – уныло сказала она. – Как асфальтоукладочный каток я предпочитаю еще немного поработать, чтобы вычеркнуть из ежедневника все намеченные на сегодня планы, чтобы затем поехать к Лильке. Так что давайте пока оставим Вселенную в покое.

Остаток вечера прошел именно так, как она хотела. Любимая подруга всегда заражала Машу оптимизмом, и сейчас, глядя на умильное личико сопящей Лилькиной дочки, лежащей в ворохе кружев на руках у Лавры, а также на полные трепета мальчишечьи лица, с восторгом взирающие на сестренку, на умиротворенное лицо Лили, на полные счастья глаза Сергея Лаврова, Маша тоже чувствовала, если не счастье, то хотя бы покой.

В этой семье ей было хорошо. Здесь можно было не притворяться, не играть бесконечную роль, а смеяться, если смешно, и плакать, если грустно. Правда, плакать сейчас Маше не хотелось.

– Пойдем-ка на кухню, – прервала ее мысли Лиля. – Поговорим.

– У тебя что-то случилось? – уточнила не успевшая встревожиться Маша. По всему выходило, что проблем у подруги быть не может, так что по поводу Лили можно было не волноваться.

– У меня нет. Но мне бы хотелось понять, что случилось у тебя, – сообщила в ответ подруга. – Листопад, давай, колись, ты что, влюбилась?

– Валерия Сергеевна проболталась? – мрачно спросила Маша, в душе кляня начальницу на чем свет стоит.

– Ты что, заболела? – Лиля изумленно смотрела на подружку. – Ты что, Лавру не знаешь? Да она бы скорее себе язык откусила, чем начала тебя обсуждать, даже со мной.

– Тогда с чего ты взяла, что я влюбилась?

– Нет, ты точно не в себе. – Лиля уперла руки в бока и стояла, подбоченясь. Вид у нее при этом был такой комичный, что Маша прыснула, хотя ей было и не до смеху. – Да я тебя знаю как облупленную. Давай, рассказывай, не тяни кота за причинное место, мне скоро Надюшку кормить.

Маша уже знала, что Лавровы на семейном совете решили назвать дочку Надеждой. Слишком многое поменялось в их жизни незадолго до ее рождения. Лиля точно стала спокойнее и счастливее, а Сергей и вовсе словно родился заново. Надежда – это было именно то, чего им всем не хватало, даже мальчишкам: растущему без отца Гришке, потерявшему маму Степе и усыновленному из детдома Матвею. Надежда, компас земной... Да, хорошее имя они выбрали, правильное.

Последнюю мысль Маша проговорила вслух, но Лиля не зря занимала высокий пост и много лет работала следователем, сбить ее с толку было невозможно.

– Рассказывай, говорю, – требовательно заявила она. И Маша все-все ей рассказала, включая предсказание про то, что она будет жить в Англии и вслед за этим дарованную ей Вселенной встречу с двумя англичанами.

– Прикольно, – сказала Лиля, когда Маша закончила свой рассказ. Она умела слушать, не перебивая. – И кто из этих англичан тебе больше нравится?

– В смысле? – искренне не поняла Маша.

– О господи, какой тут может быть смысл, – всплеснула руками ее подруга. – Предсказание-то сбывать надо. Вот я и спрашиваю, с кем из этих двух выше озвученных товарищей ты собираешься переехать в Англию на ПМЖ. – Иногда Лиля умела завернуть что-то этакое.

– У вас с Лаврой помешательство, причем вы его друг на друга индуцируете, – мрачно сообщила Маша. – Лилька, ты что, ополоумела? Какое ПМЖ, какие англичане? Ты вообще

слышишь, о чем я тебе рассказываю? Я с ними познакомилась, показываю им по очереди город и тренируюсь в английском. Все. С чего ты взяла, что кто-то из них проявляет ко мне мужской интерес?

– Все-таки для тридцати шести лет ты удивительно наивна. – Лиля посмотрела на часы, подошла к холодильнику, вытащила из него пакет молока, налила полный стакан и начала пить маленькими глотками, чуть морщась. Молоко она терпеть не могла, но пила, потому что кормить Надежду собиралась сама. – Мань, любой мужчина будет просить незнакомую женщину показать ему чужой город только в том случае, если она ему понравилась. Неужели ты сама этого не понимаешь? Посуди сама, по твоим рассказам выходит, что оба эти мужика в нашем городе уже не первый день. У одного даже друзья какие-то есть, те самые, к которым он приходил в гости в твой дом. У другого – коллеги по работе как минимум. Им что, больше попросить некого их по городу повозить? Да им этот город в первый же день показали, как встретили. Мань, включи голову!

Как всегда, в Лилиных словах была железная логика. Маша эту логику видела, но сделанным выводам не доверяла. Она искоса бросила взгляд в зеркальную поверхность металлического холодильника, чтобы лишний раз убедиться в том, что не может она никому понравиться. Не может, и все тут.

Слегка искаженное на нее смотрело ее собственное, знакомое до мельчайших подробностей лицо – тонкий нос, серые глаза, в зависимости от освещения и надетой одежды меняющие цвет от зеленого до голубого, небольшой рот со слегка тонковатой верхней губой и пухлой нижней, оттопыривающейся при первых же признаках малейшего расстройства, высокий лоб, обрамленный длинными русыми волосами, пушащимися от природы. Ничего сверхъестественного...

Маша знала, что в лице ее есть что-то неправильное. К примеру, она крайне редко удачно получалась на фотографиях. Вечно то глаза закрыты, то физиономия перекошена, то рот открыт. Снимков, на которых она себе нравилась, у нее практически не было.

– Это все от того, что у тебя очень мимика подвижная, – объясняла ей Лиля. – У тебя лицо каждую секунду меняется, фотография – это же статика, а тебя в статике застать практически невозможно. Фотограф щелкает, птичка вылетает и все, ты уже другая.

– И что делать? – расстроилась тогда Маша.

– Да ничего, – Лиля пожала плечами. – Ты человек эмоциональный, а эмоции не сдержишь. Проси делать по сто дублей, одну фотку точно можно будет выбрать.

Найти желающего сделать сто ее фотографий, чтобы выбрать одну, Маша не могла при всем своем желании. Кто бы согласился потратить на нее столько времени? Да и желания у нее не было. Нет удачных фотографий, да и бог с ними. Все равно их разглядывать некому, а сама она и так прекрасно знает, как выглядит.

– А если серьезно. – Лиля допила свое молоко, поставила стакан в раковину и вытерла молочные усы над верхней губой. – А если серьезно, то, Мань, не упускай ты этот шанс, а! Я тебя очень прошу! Ты ведь – не такая, как другие. Тебе в нашей суровой действительности очень трудно найти человека, с которым тебе было бы интересно. Мужики все мельче, чем ты. Наверное, иностранец – это именно то, что тебе надо. Пока разницу в менталитете освоишь, будешь при деле, так что интерес не пропадет. А для тебя интерес – главное.

– Лиля, – Маша даже расстроилась. – Не придумывай ты лишнего! Ладно, я у нас фантазерка, как известно. Но ты-то – человек рациональный, юрист, между прочим. Тебе-то уж совсем не пристало верить в сказки для двадцатилетних дурочек. Не будет у меня ни с кем никакого романа. Только с телевизором, в котором Джуда Лоу показывают. И никто из них мне не нравится.

– Ага, тебе Джуд Лоу нравится, это я уже поняла, – кивнула Лиля. – Мне он, кстати, тоже нравится. Но замужем я за Сергеем и ребенка от него родила. И в этом как раз разница между

мечтами и реальностью. Впрочем, тебя, Листопад, учить – пустое дело. Ты у нас, как известно, неподдающаяся. Все, ликбез окончен, пошли к народу, мне пора Надюшку кормить.

Остаток вечера прошел без неприятных для Маши разговоров. Беседа была увлекательной, еда вкусной, чай горячим, дети умильными, Лавра и Сергей доброжелательными, а Лиля – просто Лилей, самой давней и верной Машиной подругой, которая всегда хотела ей только добра.

Уходить из этого уютного дома Маше не хотелось. Она только сейчас поняла, как соскучилась по друзьям за время своего затворничества.

«Выздоровливаю, наверное, – думала она. – Может быть, все еще и наладится. Может быть, мне перестанет казаться, что жизнь моя лишена смысла, и что ничего хорошего в ней уже никогда не будет».

Пока Лилия с мужем купали перед сном дочку, Маша пообсуждала с Валерий Сергеевной рабочие вопросы. Потом снова пили чай, все с тортом, классическим «Наполеоном», который мастерски пекла Лавра, а Лилия с молоком. А потом Маша все-таки засобиравшись домой. Ее подруга выглядела немного уставшей, да им с Лаврой завтра нужно было на работу.

– Всем хороша ваша загородная жизнь, – сказала Маша, усаживаясь в свою машину, – вот только до дома теперь полчаса добираться. Нет, Лилька, все-таки, когда ты жила в соседнем районе, было лучше.

– Когда-то я вообще жила в соседнем доме, – засмеялась Лилия с крыльца, кутаясь в шубку. – А мама моя и сейчас там живет. Листопад, смились ты уже, что в жизни все меняется. Я знаю, что ты – жуткий консерватор, но открой дверь пошире, дай войти чему-то новому. – И, перестав смеяться, добавила: – Я серьезно, Маш!

– Да поняла я, поняла, – ответила Маша, села в машину, захлопнула дверцу, помахала всем рукой и лихо выехала в открытые для нее Сергеем Лавровым ворота.

На часах было начало десятого, дорога пустынная, да и трасса, на которую затем выехала Маша, тоже не загружена, так что до города удалось добраться минут за двадцать. По вечерним улицам, белым-белым от внезапно начавшегося снега, Маша доехала до своего двора, припарковалась на удачно оставленную кем-то дырку, поблагодарила бога за везение и побежала домой. До сна еще нужно было сделать контрольный звонок маме и запланированные на сегодня английские уроки. Если мама будет не склонна к длинным разговорам, то спать можно будет лечь часов в одиннадцать. Если же мама в том настроении, в котором она обычно рассуждает о Машином несовершенстве, то только в полночь. Что ж, за удовольствие провести вечер в компании Лавровых нужно платить. За все в этой жизни нужно платить.

С этой мыслью Маша вошла в подъезд дома, в котором прожила всю свою жизнь. В подъезде вкусно пахло домашними пирогами. В Машином детстве их пекла соседка, баба Валя, и всегда угощала бабушку и маленькую Машу. Бабушка, впрочем, тоже, когда пекла пироги, обязательно затевала один лишний, который потом разрезала и разносила по соседям. Когда бабушка умерла, печь пироги стало некому, потому что Маша эту хитрую науку так и не освоила. Состарившаяся баба Валя, которой сейчас было уже хорошо за восемьдесят, тесто замешивала нечасто, так что стоявший сейчас в подъезде запах свежей сдобы был редким, почти забытым. Маша, хоть и была сыта, повела носом и блаженно зажмурилась. Пироги она любила.

В этом пироговом духе было что-то хорошее. Они навевали мысли о семейном укладе, счастье и отчего-то безопасности. Так в детстве казалось, что бабушка и ее любовь к Маше, и вкусные пироги, и настоящая зима, и жаркое лето будут всегда. И дом всегда будет тем местом, в котором можно спрятаться от любых невзгод, уткнувшись пушистой, вечно растрепанной головой в бабушкины колени.

Гадая, кто в подъезде напек пироги, Маша повернула ключ в замке, толкнула дверь и не сразу поняла, отчего та не открывается. Маша толкала и толкала ее, но дверь, упершаяся в что-то большое и тяжелое, не поддавалась, с неохотой сдвигаясь лишь на сантиметр-другой.

Наконец, между дверью и косяком образовалась щель, в которую худенькая Маша вполне могла пролезть.

Невозможность попасть в квартиру Машу не пугала. Ни о чем плохом она не думала. Отчего-то у нее вообще не возникало ни малейшего предположения о том, почему не открывается дверь. Она пролезла в щель, пристроила сумку на вешалку, нащупала рукой выключатель и нажала на клавишу. Прихожую, большую просторную прихожую сталинского дома, в котором она выросла, залил желтый свет двух лампочек под потолком, и в этом неровном, теплом свете Маша увидела лежащего на полу отчима.

Михалыч, ее Михалыч лежал у самого входа в квартиру, привалившись головой к металлу двери. Именно его тело, тяжелое, массивное, не давало открыть эту самую дверь.

– Михалыч, – отчего-то шепотом позвала Маша. – Михалыч, миленький, тебе чего, плохо?

Он не отвечал, ей стало жарко от нахлынувшего ужаса, и она скинула шубку, отбросив ее куда-то в сторону, присела на корточки, затеребила Михалыча за плечо.

– Михалыч, ну чего ты, приди в себя, родненький, давай я помогу тебе встать.

От движения ее рук, тело, лежащее на боку, перевернулось на спину, и на Машу уставились широко открытые мертвые глаза. Не в силах смотреть в них, Маша перевела взгляд и увидела валяющийся на полу рядом с телом бронзовый бюстик Льва Толстого. Это был бабушкин Толстой, из-за чего Маша его и не убирала с глаз долой, хотя украшением интерьера не считала.

Обычно Толстой стоял на стеллаже слева от входа, и под него Маша подсовывала всяческие квитанции и другие важные бумажки, чтобы не потерять. Как он оказался на полу, вот что интересно?

Маша снова перевела взгляд на Михалыча и внезапно увидела то, что не заметила сразу. На виске его зияла огромная рваная рана с запекшейся кровью по краям. Рана была нанесена Львом Толстым. Эта безумная мысль возникла в мозгу внезапно и теперь билась там, ища выхода.

Михалыч не потерял сознание и не просто упал у двери от того, что ему стало плохо. Он был убит ударом в висок, нанесенным бронзовым бюстом. Кто-то, войдя в Машину квартиру, схватил первый попавшийся под руку тяжелый предмет и ударил Михалыча по голове.

Осознание случившегося обрушилось на Машу, перебило дыхание. Она села на пол рядом с мертвым Михалычем и судорожно задышала открытым ртом, пытаясь протолкнуть в легкие застрявший воздух. Ей казалось, что она уже никогда не сможет начать дышать, как раньше, легко и не задумываясь.

Чувствуя себя выброшенной на берег рыбой, Маша непослушными пальцами нащупала сумку, достала телефон и, не глядя, потыкала в кнопки. Номер подруги детства, помощника начальника следственного управления Лилии Ветлицкой, ныне Лавровой, она могла набрать с закрытыми глазами.

– Машка, ты чего? Что случилось? Ты нормально доехала? – услышала она в трубке встревоженный голос Лили.

– Я доехала, – прошептала она. – Я доехала, Лиль. И нашла в квартире мертвого Михалыча. Он умер, Лиль, и я теперь не знаю, что мне делать.

– Дыши, – приказала Лилия. – Дыши давай. И коротко отвечай на мои вопросы. Ты уверена, что он умер? Может, без сознания просто? Ты «Скорую» вызвала?

– Я дышу, – ответила Маша и заплакала. – То есть я пытаюсь дышать, Лиль. А «Скорая» ему не нужна. Он не просто так умер, Лиль. Его убили.

* * *

Ужас не давал ему спать. Ужас был похож на огромного медведя, разлегшегося на груди и дышащего в лицо отвратительным смрадом. Стоило закрыть глаза и провалиться в забытие, как смрад усиливался, распластанная сверху туша становилась все тяжелее, вжималась в ребра, перекрывая кислород. Он начинал судорожно кашлять, стонать во сне и от собственного стога просыпался, взмахивая руками и ногами в неуклюжей попытке прогнать медведя прочь.

Он был один в темной комнате, освещаемой лишь неровным светом фонаря за окном. Фонарь раскачивался от ветра, скрипел, и в полусне-полубреду этот скрип казался то ли медвежьим рыком, то ли просто звуком, который остается, когда острые медвежьи когти сдирают до мягкого луба древесную кору.

Он в очередной раз проснулся и рывком сел на кровати, отгоняя навалившийся кошмар. Кстати, почему медведь? Он никогда в жизни не видел медведя, конечно, если не считать зоопарка, куда его, маленького, водила бабушка. В его родной стране медведи повывелись несколько столетий назад, и ими совершенно точно не пугали маленьких детей, так что засевший в нем глубинный ужас не был родом из детства.

Подумать только, сегодня, всего пару часов назад, ему казалось, что то, что он ищет, вот-вот будет у него в руках. Обстоятельства складывались самым лучшим образом. Он пробрался в квартиру, которая наконец-то оказалась пуста. После трех недель затворничества птичка наконец-то покинула клетку, и у него появился шанс, не влипая в длительные отношения, попробовать найти то, что ему было нужно. ЭТО точно хранилось в квартире, потому что девица свято блюла семейные традиции и никогда ничего не выбрасывала. Это была точная информация. Она поступила от человека, который девицу и ее семью знал хорошо. Отлично знал, можно сказать. Риска же не было никакого, потому что владелица квартиры была на работе.

Он пробрался в квартиру в районе двух часов дня, понимая, что у него точно есть часа три, а скорее всего даже больше. Обыск не должен был занять много времени, даже если то, что он ищет, и не лежало на видном месте. Натянув на всякий случай тонкие резиновые перчатки, он открыл замок имеющейся у него отмычкой и зашел внутрь. Постоял, оглядываясь, чтобы понять расположение комнат, немного подумал и начал с гостиной, где стоял большой сервант, явно оставшийся с советских времен.

Здесь вообще все было старинное, советское, основательное, за исключением большого ультрасовременного телевизора и мигающих коробочек проведенного в квартиру Интернета. Он чуть усмехнулся, шагнул к серванту, открыл стеклянные дверцы, огорченно выдохнул, потому что за ними не было ничего интересного. Лишь хрустальные бокалы богемского стекла и бело-синий сервиз в клеточку.

Он собирался присесть, чтобы открыть нижние дверцы серванта, как вдруг услышал звук отпирающейся двери. Испуганно шагнул в сторону, спрятался за штору, уместившись в углублении балконной двери, чертыхнулся про себя. Шаги, раздававшиеся из прихожей, не могли принадлежать хозяйке квартиры. Они были тяжелыми, уверенными, мужскими. Скорее всего это был ее отчим, иногда заявляющийся в квартиру, как к себе домой. Ничего, это не страшно. Побудет час-другой и уйдет. Скорее всего он просто решил побаловать падчерицу чем-то вкусненьким. Лишь бы в комнату не зашел, потому что попадаться ему на глаза нельзя. Никак нельзя. Так и до беды недалеко.

Мужчина перевел дыхание и мысленно прикинул, что будет лучше – дожидаться, пока неожиданный им гость уйдет, и закончить осмотр, или постараться сбежать из квартиры, пока тот будет занят делами на кухне? Если откроет воду, то шанс неслышно выскочить в подъезд есть.

Нет, он совершенно не был готов к тому, что произойдет дальше. Сейчас, сидя в кровати, он отчетливо слышал стоящий у него в ушах хруст проламывающейся височной кости, видел страшное кровавое месиво с торчащими из него осколками чего-то белого. При коротком взгляде, брошенном на эти осколки, его стало тошнить так сильно, что он испугался, что сейчас наследит здесь, прямо у трупа, и никто и никогда не сможет его спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.